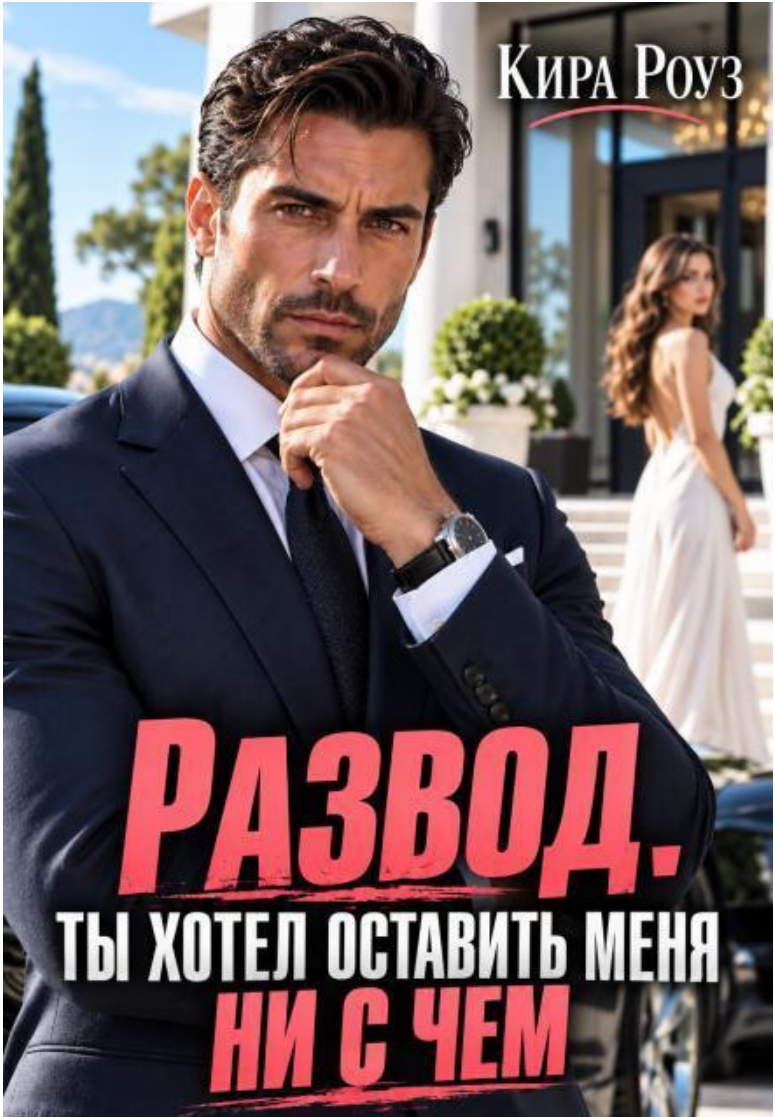

Кира Роуз
РАЗВОД.
ТЫ ХОТЕЛ ОСТАВИТЬ МЕНЯ
НИ С ЧЕМ

Кира Роуз

Развод. Ты хотел оставить меня ни с чем

https://litres.ru/74741207

Аннотация

— Подпиши сейчас, Оль. До нотариуса ещё сорок минут. Муж кладёт папку с разводом прямо поверх траурного венка для его недавно почившей матери. — Ты сейчас серьёзно? — меня трясёт. — А что такого? — лениво пожимает он пелчами, — Разойдемся без скандала и грязи.

Семнадцать лет брака оказались перечеркнуты в один день. Пока я два года жила, ухаживая за его умирающей матерью, он развлекался с любовницей. А потом пришёл на похороны уверенный, что вот-вот получит контроль над огромным холдингом матери. Вот только на оглашении завещания нас ждал сюрприз. Его мать оставила контрольный пакет акций, загородный дом и все счета мне. Женщине, которую только что растоптал ее сын. Ну что, Влад? Ты хотел развод? Ты его получишь. Но на моих условиях.

В тексте есть: #измена и развод #беременная любовница #неожиданное наследство #месть наглого мужа #месть обманутой жены #сильная героиня #ХЭ

НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

Содержание

Глава 1. Одиннадцать дней назад 5
Глава 2. Он пришёл за своим 12
Глава 3. О Карине я знаю 19
Глава 4. Человек, которого она поставила между нами 26
Глава 5. Тринадцать недель 33
Глава 6. Почему я 40
Глава 7. Северный берег 47
Глава 8. Жена Влада 54
Глава 9. Тридцать пять дней 61
Глава 10. Хуже лжи 68
Глава 11. Она действительно путалась 76
Глава 12. Мой развод 83
Глава 13. Тот день 90
Глава 14. Оставь себе миллионы 96
Глава 15. Первое завещание 103
Глава 16. Сорок три дня 111
Глава 17. Папа просто спрашивает 119
Глава 18. Угроза или обещание? 126
Глава 19. Я хочу знать 134
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Глава 1. Одиннадцать дней назад

— Подпиши сейчас, Оль. До нотариуса ещё сорок минут.

Влад кладёт папку поверх венка, который я так и не успела убрать с заднего сиденья. Белые розы прижимаются к стеклу, чёрная лента с именем Тамары Андреевны мнётся под его ладонью. Я смотрю на эту ладонь и почему-то думаю, что после кладбища он даже не вымыл руки. На обручальном кольце засохла капля земли.

— Убери папку с цветов.

Он хмурится, словно я опять выбрала неподходящий момент для пустяка, но папку всё-таки забирает. Возле ворот кладбища ещё стоят машины. Кто-то из родственников курит под мокрыми липами, кто-то раскладывает по багажникам оставшуюся воду. Я слышу обрывки голосов, скрип гравия под колёсами и никак не могу поверить, что Влад решил говорить со мной здесь.

— Мы можем сесть в машину, — предлагает он тише. — Тебя трясёт.

Меня трясёт с половины шестого утра. За последние трое суток я спала часа четыре, выпила слишком много горького кофе из больничных автоматов и сегодня впервые оставила телефон не на полной громкости. Больше никто не позвонит и не скажет, что Тамара снова не может дышать.

Но Влад смотрит на меня так, будто дрожь должна помочь

ему быстрее добиться подписи.

— Что там?

Он открывает папку. Первой страницей лежит соглашение о расторжении брака. Я узнаю наши фамилии, адрес городской квартиры, цифры, а смысл всё равно не складывается. Буквы расплываются перед глазами, и я прижимаю лист к обложке пальцем, чтобы ветер не перевернул его за меня.

— Ты сейчас серьёзно?

— Я хотел сделать всё спокойно. — Влад оглядывается на родственников и становится ближе, загораживая бумаги от чужих глаз. Даже теперь ему важнее, чтобы нас не увидели. — Без скандала и грязи. Маша обеспечена, это прописано отдельно. Квартира остаётся тебе, машина тоже. Деньги на счёте разделим так, как указано здесь. Тебе не придётся ни о чём просить.

Я провожу ногтем по строчке «стороны претензий друг к другу не имеют». Семнадцать лет уместились в пять страниц и пластиковую папку, которую Влад, кажется, купил по дороге на похороны.

— Когда ты это решил?

— Не сегодня. И ты сама знаешь, что не сегодня. — Он говорит терпеливо, почти ласково. Так разговаривал со мной в последние месяцы, когда я путала даты обследований или забывала купить домой хлеб. — Мы давно живём каждый своей жизнью. Ты у мамы, я на работе. Между нами уже ничего не осталось, кроме привычки и Маши.

Из-за его плеча я вижу женщину возле серого внедорожника. Она стоит у открытой пассажирской двери, одной рукой придерживает ворот тёмного пальто. Светлые волосы собраны низко и аккуратно. На похоронах она держалась среди сотрудников холдинга, принимала звонки, передавала водителям адрес ресторана для поминок. Директор по развитию. Человек, без которого Влад в последние годы не проводил ни одной важной встречи.

Карина.

Она ловит мой взгляд и не отворачивается. Победы на её лице нет. Только напряжённое ожидание человека, который слишком долго стоял в коридоре и наконец услышал, как поворачивается ключ.

Я снова смотрю на мужа.

— Карина?

Влад не спрашивает, что я имею в виду. На секунду прикрывает глаза, потом проводит большим пальцем по краю папки.

— Да.

Одно слово он произносит без оправданий. Я зачем-то ждала, что при такой новости непременно закричу или ударю его. Вместо этого поправляю ленту на венке. Тамара терпеть не могла криво завязанные банты и перед каждым открытием сама обходила зал, дёргала скатерти за углы, пока края не становились ровными.

— Давно? — Я прижимаю папку к груди, чтобы он не за-

крыл разговор вместе с ней.

— Оля, подробности сейчас только сделают больнее.

— Мне уже сделали. — Я не отдаю ему бумаги, хотя пальцы немеют на ветру. — Я хочу понимать, сколько времени была идиоткой.

Он отступает на полшага. Усталое лицо на мгновение твердеет: я нарушаю сценарий, в котором он даёт мне квартиру, а я признаю его порядочность.

— Наш брак закончился задолго до Карины. — Влад застёгивает пальто, словно собирается закончить разговор первым. — Ты два года жила жизнью моей матери. В больнице, у неё дома, снова в больнице. Когда я приходил, ты говорила только о капельницах, анализах и сиделках.

— Потому что твоя мать умирала, — напоминаю я, наконец заставив его посмотреть мне в лицо.

Голос всё-таки срывается. Двое мужчин возле дальней машины поворачивают головы, и Влад тут же опускает свою папку, будто прячет оружие.

— Я не обвиняю тебя, — произносит он уже сквозь зубы. — Я объясняю. Мы оба сделали что могли. Не получилось. Теперь у каждого будет возможность начать заново.

— У тебя она уже началась.

Карина закрывает дверь внедорожника. Звук получается негромким, но Влад оборачивается сразу. Так быстро он последние месяцы реагировал только на телефон. Я вспоминаю, как он уходил из кухни ответить на рабочий звонок,

пока Тамара пыталась удержать чашку обеими руками. Как возвращался через сорок минут и раздражался, что ужин остыл. Как уверял, что «Северный берег» не отпускает его даже ночью.

Мне хочется спросить, встречался ли он с Кариной в те дни, когда я ночевала на раскладном кресле возле Тамариной кровати. Но рядом лежит венок. За воротами люди, которые только что бросали землю на крышку гроба. Если я начну вытаскивать из него эти ответы сейчас, свекровь снова окажется последней в очереди после его удобства.

Я закрываю папку.

— Я ничего не подпишу на парковке кладбища.

— Поэтому я и предлагаю поехать домой и всё обсудить. — Влад замечает, как я отстраняюсь, и быстро добавляет: — Не в наш дом. К маме. После нотариуса. Там спокойно прочитаешь, задашь вопросы. Я не тороплю тебя.

Сорок минут до оглашения, бумаги уже с ним, а любовница ждёт у машины. Он правда уверен, что не торопит.

— Зачем Карина едет к нотариусу?

— Она не входит в число наследников и в кабинет не пойдёт. Но после оглашения у нас встреча по компании. Сегодня нельзя остановить работу холдинга только потому, что… — Влад осекается и сжимает переносицу. — Потому что у нас похороны.

Он почти сказал «только потому, что мама умерла». Я вижу, как он сам это услышал, но извинения не следует. В по-

следние месяцы Влад приезжал к Тамаре с ноутбуком, отвечал на письма в коридоре и каждые десять минут смотрел на часы. Она делала вид, что не замечает. Я — тоже.

— Ты уже всё распланировал, — говорю я. — Поминки, нотариус, встреча, развод. Удобный день.

— Прекрати. — Он впервые повышает голос, но тут же оглядывается и снова берёт себя в руки. — Мать три года назад составила завещание. Компания переходит мне. Там есть решения, которые нельзя откладывать. Она сама это понимала.

— А дом?

— Скорее всего, тоже. Мы обсуждали. — Влад произносит это осторожнее. — Оль, тебе не придётся ни за что бороться. Я оставляю тебе городскую квартиру, хотя мог бы поставить вопрос иначе. Просто подпиши после того, как прочитаешь. Мы сохраним нормальные отношения ради Маши.

Вот теперь я узнаю человека, с которым прожила семнадцать лет. Он не просит. Он заранее распределил имущество, дочь, мою реакцию и даже наши будущие нормальные отношения. Осталось поставить подпись в отведённом месте.

Я перелистываю соглашение ещё раз. Не потому, что готова читать. Хочу найти фамилию адвоката, понять, кто помог ему уложить наш брак в аккуратные пункты. Внизу каждой страницы стоит служебная дата.

Сначала я принимаю единицу за семёрку. Моргаю, расти-

раю сухие глаза и подношу лист ближе. День, месяц, год. Всё читается ясно.

— Здесь ошибка.

Влад тянется к странице, но я удерживаю её.

— Какая ещё ошибка? — Влад опускает взгляд на страницу, но не подходит ближе.

— Дата подготовки соглашения. — Я дважды касаюсь ногтем напечатанной строки. — Одиннадцать дней назад.

Он перестаёт тянуть папку. Из-за кладбищенской ограды доносится тяжёлый стук — рабочие убирают доски, которыми закрывали мокрую землю. Карина ждёт у машины, повернувшись к нам боком. Влад молчит слишком долго.

Одиннадцать дней назад Тамара была жива.

Я сидела возле неё в реанимации и просила продержаться хотя бы до утра, а её сын уже решал, какую квартиру великодушно оставит мне после своей матери.

Глава 2. Он пришёл за своим

— Ты подготовил развод, пока она лежала в больнице?

Я всё ещё держу страницу за угол. Ветер треплет бумагу, но Влад уже не пытается её забрать. Он смотрит на дату так, словно видит впервые и прикидывает, какую часть правды мне безопасно оставить.

— Мама была в больнице много раз. — Влад бросает взгляд на родственников у ворот и понижает голос. — Одно к другому отношения не имеет.

— Одиннадцать дней назад врачи не знали, переживёт ли она ночь, — произношу я, не позволяя ему спрятаться за общими словами.

— Именно поэтому я не дал тебе бумаги тогда. — Он наконец складывает листы обратно в папку, тщательно выравнивая края. — Я ждал. Похороны закончились, впереди нотариус. Дальше откладывать бессмысленно.

В его ответе столько деловитой правильности, что я не нахожу слов. Влад закрывает папку, уносит её к своей машине и открывает заднюю дверь для меня. Раньше я бы села рядом с ним. Сегодня там лежит женская сумка из светлой кожи и бутылка воды с отпечатком чужой помады на горлышке.

— Я поеду сама, — говорю я и прячу ключи в кулаке.

— Оля, ты почти не спала. Оставь машину здесь, водитель потом заберёт.

— Я поеду сама, — повторяю уже спокойнее и достаю ключи из кармана. — А ты езжай с Кариной. Ты ведь для этого перестал её прятать.

Он хочет возразить, но кто-то зовёт его от ворот. Я пользуюсь этим, сажусь за руль и блокирую двери. В салоне пахнет розами и влажной землёй. Несколько минут я просто дышу, положив ладони на холодный руль, пока машины одна за другой выезжают с кладбищенской парковки.

Серый внедорожник Влада идёт впереди всю дорогу. На светофоре я вижу Карину рядом с ним. Она что-то говорит, он отвечает, не поворачивая головы. Обычная пара в обычной машине. Семнадцать лет я сидела на этом месте и знала, что Влад раздражён, ещё до первого слова — по тому, как он держит руль. Теперь эту привычку изучает другая женщина.

У нотариальной конторы Карина выходит первой. Она придерживает дверь подъезда, но я прохожу мимо, не поблагодарив. В приёмной тепло и душно; от мокрых пальто пахнет улицей, на низком столике стоят чашки, к которым никто не притрагивается.

— Ольга, — тихо окликает Карина.

Я останавливаюсь только потому, что не хочу, чтобы она заговорила мне в спину.

— Если ты собираешься сказать, что всё вышло случайно, лучше сэкономь нам время.

Она обхватывает пальцами ремень сумки. На кладбище я решила, что Карина спокойна. Вблизи замечаю бледное лицо

и тушь, осыпавшуюся под левым глазом. Она тоже была на похоронах с утра и, похоже, не чувствует себя победительницей.

— Я не считаю, что это случайность, — отвечает она после короткой паузы. — Влад должен был поговорить с вами раньше.

— Три года — это «раньше» или у вас другой срок?

Карина вскидывает голову. Я вижу, что попала, хотя она тут же закрывается.

— Об остальном вам лучше говорить с ним. — Карина отступает к дивану и освобождает проход, но взгляд выдерживает.

— Как удобно. — Я снимаю с плеча ремень сумки, который успел натереть кожу. — Спать с мужем можно с тобой, а разговаривать мне лучше с ним.

Дверь кабинета открывается прежде, чем она отвечает. Секретарь, немолодая женщина в сером костюме, называет наши фамилии и отдельно просит Карину подождать. Та смотрит на Влада. Он едва заметно кивает, словно оставляет сотруднице указание перед совещанием.

В кабинет я вхожу первой.

За длинным столом уже сидит Андрей Крылов. Я видела его несколько раз у Тамары: высокий, седина у висков, спокойное лицо человека, который не спешит заполнять паузы. На похоронах он держался в стороне от семьи, но именно ему распорядитель звонил, когда возникли проблемы с до-

кументами.

Андрей поднимается мне навстречу.

— Ольга Владиславовна, примите мои соболезнования.

— Спасибо. — Я пожимаю его руку и сажусь напротив. Ладонь у него сухая и тёплая; моя ледяная после руля. — Вы тоже присутствуете как наследник?

— Нет. Моя роль будет названа нотариусом.

Он не добавляет загадочности и не предлагает подождать. Просто отодвигает стул, освобождая мне больше места. Влад садится справа, кладёт папку с разводом возле локтя и здоровается с Андреем коротко, без рукопожатия.

— Не думал, что мама включила вас в семейную процедуру, — замечает он.

Андрей не меняется в лице.

— Тамара Андреевна включила меня сама.

Этого хватает, чтобы Влад замолчал. Нотариус проверяет документы, просит отключить телефоны и напоминает, что Карина Викторовна не присутствует, поскольку наследником и представителем стороны не является. Влад убирает телефон экраном вниз. На заставке успеваю заметить фотографию моря и стеклянных корпусов — визуализацию «Северного берега», о котором он говорил даже у больничной койки матери.

— Мама составила завещание три года назад, — говорит Влад, пока нотариус открывает папку. — С тех пор что-то менялось?

— Именно это сейчас и будет оглашено, Владислав Тамарович. Прошу не перебивать.

Я смотрю на мужа. Возле кладбища он сказал, что компания переходит ему, но не объяснил, откуда такая уверенность. Теперь она становится понятной. Тамара сама обсуждала с ним старое завещание. Через несколько месяцев Влад должен был объединить её пятьдесят пять процентов со своими двадцатью и получить три четверти компании.

Он пришёл сюда за своим.

Нотариус начинает с даты документа. Сорок три дня до смерти Тамары. Влад поворачивает голову так резко, что ворот рубашки задевает подбородок. Андрей записывает дату в блокнот. Я пытаюсь вспомнить тот день и не могу: за последние месяцы больницы, анализы и бессонные ночи слиплись в одну длинную неделю.

Дальше идут формулировки о здравом уме, добровольной воле, отмене прежних распоряжений. Влад подаётся вперёд.

— Она принимала сильные препараты. — Влад кладёт ладонь на стол, почти закрывая собой папку. — Нотариус, который это удостоверял, видел медицинскую карту?

— Вы сможете задать вопросы после оглашения. — Женщина снимает очки, ждёт, пока Влад откинется на спинку стула, и только тогда продолжает.

Я слышу фамилию Маши. Для неё Тамара заранее создала образовательный капитал, он оформлен отдельно и сейчас лишь упоминается. Влад кивает: видимо, это совпадает

с тем, что он ожидал.

Мне тоже известно об этом капитале. Тамара открыла его к Машиному десятилетию и каждый год добавляла деньги, запрещая тратить их на подарки, машины и «прочую родительскую чепуху». Внучка должна была сама выбрать образование, и спорить с бабушкой не разрешалось даже Владу. Воспоминание на секунду возвращает мне её голос — хрипловатый в последние месяцы, всё равно непререкаемый. Я машинально поворачиваюсь к пустому стулу у торца стола. На семейных разговорах Тамара всегда садилась там.

Сейчас её место занимает раскрытая папка. Я ещё жду, что следующим прозвучит имя единственного сына, после чего Влад выдохнет, заберёт своё наследство и потребует у меня подпись уже как человек, получивший право распоряжаться всем. Он тоже ждёт. Под столом носок его ботинка отбивает едва заметный ритм, хотя лицо остаётся спокойным.

Потом нотариус переворачивает страницу.

— Пятьдесят пять процентов голосующих акций непубличного акционерного общества «Соколова Групп» Тамара Андреевна Соколова завещает Ольге Владиславовне Соколовой.

Я успеваю подумать, что у нотариуса странная оговорка. Она назвала моё имя там, где должно быть имя Влада.

Но женщина читает дальше, а Андрей Крылов смотрит уже на меня.

Влад не двигается. Даже не моргает.
Будто не понял русские слова.

Глава 3. О Карине я знаю

— Повторите, — просит Влад.

Он произносит это ровно, но носок ботинка больше не двигается. Нотариус смотрит поверх очков, будто даёт ему возможность передумать и не выставлять себя человеком, который не расслышал собственную фамилию.

— Пятьдесят пять процентов голосующих акций «Соколова Групп» завещаны Ольге Владиславовне Соколовой, — повторяет она. — Я продолжу оглашение, если вопросов к формулировке нет.

Влад медленно поворачивается ко мне. Я жду обвинения, вопроса, хотя бы злого выдоха. Он лишь задерживает взгляд на моём лице и снова смотрит на нотариуса.

— Продолжайте.

Большой загородный дом Тамары вместе с землёй переходит мне. Два коммерческих помещения, которые она сдавала в аренду, — мне. Инвестиционный портфель — тоже. Дальше перечисляются счета, доли в других небольших компаниях, коллекция живописи, машина. Слова падают одно за другим, и каждое будто произнесено не на том языке.

Я не могу даже представить общую стоимость. Только дом знаю до последней дверной ручки. Два года я открывала его утром для врачей, вечером для сиделки, среди ночи для скорой. На кухне до сих пор лежит мой синий свитер, а в ниж-

нем ящике комода — Тамарины тёплые носки, которые она терпеть не могла и всё равно надевала, когда мёрзли ноги.

— Личное имущество в жилом доме передаётся наследнице по описи, — читает нотариус. — Семейные фотографии и архивы должны быть доступны внучке наследодателя Марии Владиславовне Соколовой без ограничений.

— А мне? — Влад наконец перебивает её. — В документе вообще есть моё имя?

Нотариус закрывает ладонью страницу, удерживая место.

— Вы указаны как владелец уже принадлежащего вам пакета акций и как отец Марии Владиславовны. Дополнительного имущества по этому завещанию вам не передаётся.

Я слышу его резкий вдох. Семнадцать лет брака научили меня угадывать момент, когда Влад по-настоящему теряет самообладание. Он не кричит. Наоборот, делается вежливее, расправляет плечи и говорит особенно отчётливо.

— Сорок три дня назад моя мать почти не вставала с постели. Она принимала опиоидные обезболивающие, седативные препараты и временами путала даты. Вы сейчас сообщаете, что в таком состоянии она переписала всё имущество на женщину, которая контролировала её лекарства и контакты?

— Влад, — я поворачиваюсь к нему всем корпусом, не веря, что он решился сказать это при мне. — Я контролировала лекарства, потому что твоя мать не могла сама открывать упаковки. А телефон убирала, когда она просила.

— Я пока не обвинял тебя ни в чём. — Он отвечает мне, но смотрит на нотариуса. — Я перечисляю обстоятельства.

Андрей закрывает блокнот. До сих пор он не вмешивался, и именно поэтому его негромкий голос заставляет Влада замолчать.

— Все обстоятельства будут проверены в предусмотренном порядке. Сегодня вам оглашают волю Тамары Андреевны. Позвольте услышать её до конца.

— Вы, значит, уже знали? — Влад сдвигает к нему папку с разводом, освобождая себе место на столе. — Поэтому сидите здесь и делаете вид, что удивляться нечему?

Андрей не принимает вызов. Он смотрит прямо на Влада, оставив руки на закрытом блокноте.

— О назначении исполнителем я знал. Содержание распоряжений не обсуждал ни с вами, ни с Ольгой Владиславовной. Сейчас я тоже слушаю.

Я верю ему хотя бы потому, что он не пытается сразу стать на мою сторону. Но слово «исполнитель» цепляется за память. Значит, Тамара готовилась к спору. Или настолько не доверяла сыну, что поставила рядом ещё одного человека.

Нотариус заканчивает чтение и достаёт из папки небольшой накопитель.

— К завещанию приложено видеообращение Тамары Андреевны. Оно не заменяет документ и не меняет его условий, однако наследодатель просила показать запись при оглашении.

— Когда записано? — Влад уже тянется к телефону, но секретарь напоминает, что съёмка в кабинете запрещена.

— За три дня до смерти, — отвечает нотариус и разворачивает к нам монитор.

Экран загорается не сразу. Я вижу собственное отражение: серое лицо, собранные кое-как волосы, чужое чёрное платье. Потом появляется Тамара.

Она сидит в своей спальне, подложив под спину слишком много подушек. Домашний бордовый кардиган висит на ней свободно, кожа на запястьях почти прозрачная. Я помню тот день. Утром Тамара не пустила меня в комнату и попросила сходить в аптеку самой, хотя обычно лекарства забирал водитель. Когда я вернулась, она уже спала.

На записи свекровь смотрит чуть левее камеры.

— Влад, если ты опять не сказал сам, это последнее разочарование, которое ты мне оставил.

Муж отодвигается от стола. Ножка стула скребёт по полу, и нотариус делает запись на полях, не комментируя.

— О Карине я знаю, — продолжает Тамара. Говорить ей трудно; после каждой короткой фразы она переводит дыхание. — Узнала недавно. Дала тебе возможность поговорить с женой самому. Надеюсь, ты хотя бы раз не струсил.

Я перестаю чувствовать край стола под пальцами. Тамара знала. Когда я поправляла ей подушку, мерила давление, рассказывала, что Влад снова задерживается из-за работы, она уже знала фамилию женщины. И молчала.

На экране свекровь прикрывает рот платком, кашляет и просит кого-то за камерой подождать. Мужской голос отвечает, что запись можно перенести. Тамара сердито качает головой — знакомо, упрямо — и снова смотрит в объектив.

— Оля, если Влад сам тебе рассказал, хорошо. Если нет… прости, что узнаёшь так. Я собиралась поговорить с тобой, но времени у меня оказалось меньше, чем я думала.

Я отворачиваюсь к окну. За стеклом мелкий дождь размазывает машины по серому двору. Мне больно от её молчания и одновременно стыдно за эту боль: три дня спустя Тамара умерла, а я сижу и требую от последних часов умирающей женщины ещё одного правильного поступка.

— Моё завещание изменено гораздо раньше, — произносит она, и я снова заставляю себя смотреть. — Карина к этому решению отношения не имеет. Не позволяй Владу объяснить мой выбор своей личной жизнью.

Влад резко подаётся к экрану.

— Когда именно раньше? Почему она не называет дату?

Нотариус ставит видео на паузу.

— Дата завещания уже оглашена. Прошу досмотреть запись без комментариев.

Лицо Тамары замирает на мониторе. Я замечаю на тумбочке знакомую белую чашку и блистер вечерних таблеток. Всё лежит так, как оставляла я. Если понадобится, Влад сможет показывать эту комнату и говорить, что больной женщиной управляла невестка. Даже видео, которое Тамара запи-

сала, чтобы защитить меня, можно повернуть против нас.

Запись продолжается.

— Я изменила решение как собственник, — говорит свекровь после долгого вдоха. — Причина касается того, кому я могу доверить то, что строила. Остальное Андрей передаст, когда сможет. Оля, сегодня ничего не решай. Особенно если Влад будет торопить.

Она улыбается едва заметно, будто знает, что я всё равно полезу спорить, и тянется выключить камеру. Изображение дёргается, экран темнеет.

Никто не произносит ни слова. В приёмной за стеной звонит телефон; секретарь отвечает вполголоса, и там, в нескольких метрах от нас, Карина ждёт мужчину, которому мать только что отказала в наследстве.

Я первой нарушаю молчание.

— Что она хотела передать через вас?

Андрей не тянет с ответом.

— Письмо вам. И незавершённую проверку нескольких активов. Письмо я передам сегодня. О проверке расскажу, когда мы обсудим мои полномочия и текущие риски.

— Как удобно, — Влад усмехается, но звук выходит сухим. — Мёртвая мать, жена, которой досталось всё, и управляющий с неизвестными рисками.

Он застёгивает папку с соглашением, встаёт и впервые смотрит на меня без привычной снисходительности. Сейчас передо мной генеральный директор, которому сообщили о

потере контроля над компанией.

— Тогда увидимся в суде, Ольга.

Глава 4. Человек, которого она поставила между нами

— Сядь, — говорю я прежде, чем Влад успевает дойти до двери. — Ты хотел, чтобы мы сохранили нормальные отношения ради Маши. Попробуй хотя бы десять минут не угрожать мне судом возле папки с завещанием своей матери.

Он останавливается, но не возвращается к столу. Пальцы сжимают ручку двери.

— Нормальные отношения возможны, когда люди не пользуются больным человеком, чтобы получить чужое имущество. — Влад всё-таки оборачивается, оставляя дверь приоткрытой.

— Ты пять минут назад уверял, что пока ни в чём меня не обвиняешь, — напоминаю я и не отвожу взгляда.

— Теперь я услышал достаточно. — Он кивает на погасший монитор, словно мать дала показания против меня.

— А я нет. — Я поворачиваюсь к Андрею. — Объясните, что именно поручила вам Тамара и что теперь происходит с компанией. Пожалуйста, без формулировок для юристов. Я сегодня уже плохо понимаю даже обычные слова.

Андрей ждёт, пока нотариус уберёт завещание и отключит монитор. Только после этого открывает свой блокнот на чистой странице.

— Тамара Андреевна назначила меня исполнителем последнего завещания. Несколько лет я управлял частью её личных активов: недвижимостью, инвестициями, долями вне основного холдинга. После её смерти моя задача — сохранить наследственное имущество до передачи наследникам.

— Значит, акции уже мои? — Я задаю вопрос и тут же чувствую на себе взгляд Влада.

— Нет. Вам предстоит принять наследство, а затем получить права в установленном порядке. Судебный спор может затянуть процесс. До этого пакетом управляет исполнитель. Я не могу подарить его вам или Владиславу Тамаровичу, продать по собственному желанию либо пользоваться им в личных целях.

— Зато можете голосовать, — бросает Влад от двери. — И мама прекрасно знала, за кого вы будете голосовать.

Андрей поворачивает к нему блокнот, где вверху страницы написал крупно: «55% — наследственное управление».

— Я буду голосовать за сохранность актива. Это может совпадать с интересами Ольги Владиславовны, а может не совпасть. Если она завтра предложит вывести деньги из компании или продать ключевой объект в ущерб холдингу, я выступлю против.

Мне неприятно, что он говорит обо мне как о возможной угрозе, но после Влада его прямота почти облегчает дыхание. Муж объявлял решения заботой. Андрей хотя бы назы-

вает границу границей.

— А если вред компании приносит генеральный директор? — спрашиваю я.

Влад наконец отпускает дверь и возвращается к столу. Он садится медленно, поправляет манжету и кладёт телефон перед собой экраном вниз.

— Вот, — говорит он Андрею. — Не прошло и часа, а вы уже подвели её к нужной мысли.

— Я сама умею думать, — обрываю его. — Тамара изменила завещание, написала о доверии и оставила незаконченную проверку. Логично спросить, кого она проверяла.

Андрей не отвечает сразу. В коридоре кто-то включает кофемашину, и горький запах просачивается в кабинет. Я вспоминаю, что с утра съела половину бутерброда, но желудок сводит от одной мысли о еде.

— Проверка касается нескольких решений по активам холдинга, — произносит он. — Она не закончена. Я не назову человека виновным без документов, которых пока нет.

— Я всё равно узнаю, — предупреждает Влад.

— Вы генеральный директор, — Андрей спокойно выдерживает его взгляд. — Вы имеете доступ к рабочей документации в пределах полномочий. Мешать законной работе аудиторов не советую.

Влад улыбается уголком рта. Так он смотрит на сотрудников, которые ещё не поняли, что только что подписали себе увольнение.

— А вы уже распоряжаетесь компанией. Быстро. — Влад улыбается уголком рта. Так он смотрит на сотрудников, которые ещё не поняли, что только что подписали себе увольнение.

— Пока компанией распоряжаетесь вы, — отвечает Андрей, не принимая насмешки.

Я вскидываю голову. Если акции Тамары дают контроль, эта фраза звучит неправильно.

— Почему Влад остаётся генеральным директором?

— Потому что смерть акционера не отменяет решения совета директоров, — объясняет Андрей, сдвигая ко мне блокнот. Он рисует пять небольших квадратов. — В компании пять директоров. Чтобы досрочно снять генерального, нужны четыре голоса. Сейчас трое связаны с решениями Владислава Тамаровича, двое прежде поддерживали Тамару Андреевну. Я могу голосовать её пакетом на собрании акционеров, но не заменить совет сегодня по своему желанию.

Влад наблюдает, как я считаю квадраты. Раньше он бы поцеловал меня в висок и сказал не забивать голову корпоративной кухней. Теперь молчит, потому что каждая цифра касается его кресла.

— Можно переизбрать совет? — Я беру ручку Андрея и обвожу три квадрата, прежде чем понимаю, что распоряжаюсь чужой вещью. — Простите.

— Можно. — Он придвигает ручку обратно ко мне. — Тамара Андреевна предусмотрела в уставе срок в тридцать

пять дней для такого собрания. Я сегодня направлю требование о созыве.

— А потом вы поставите своих людей и выгоните меня, — Влад говорит это мне, хотя решение только что озвучил Андрей. — Ты хотя бы понимаешь, что будет с компанией, если через месяц сменить руководство?

Я кладу ручку поперёк нарисованных квадратов.

— Пока понимаю только, что твоя мать хотела проверить твои решения и не доверила тебе свои акции. — Я убираю ручку с рисунка, чтобы Влад не решил, будто я уже делю кресла. — Остальное мне придётся узнать.

— За тридцать пять дней? Удачи. — Влад забирает со стола телефон и на этот раз действительно уходит.

Когда Влад выходит, из приёмной доносится её короткое «ну что?». Ответа я не слышу. Дверь мягко закрывается, и кабинет сразу кажется больше.

— Вы знали, что он принесёт бумаги о разводе? — спрашивает Андрей.

— Нет. Тамара знала о Карине. Возможно, вы тоже знали больше меня.

В моём голосе появляется резкость. Андрей принимает её без попытки оправдаться за чужое молчание.

— О романе я узнал от Тамары четыре дня назад. Она сказала, что дала сыну сутки для разговора с вами. На следующий день её госпитализировали. Я не считал себя вправе сообщать то, что она собиралась сказать сама.

Ответ не утешает, зато совпадает с записью. Я провожу пальцем по нарисованным квадратам и заставляю себя вернуться к тому, что могу изменить сегодня.

— Через тридцать пять дней новый совет точно снимет Влада? — Я придвигаю к себе блокнот и снова считаю голоса.

— Нет. Наследственный пакет позволит выдвинуть трёх директоров. Останется независимый директор и человек Владислава. — Андрей зачёркивает два старых квадрата и рисует новую расстановку. — Для решения о генеральном нужны четыре голоса. Независимому придётся показать факты, а не семейную обиду.

— Значит, даже после собрания он может остаться, — говорю я, возвращая ему ручку.

— Может. — Андрей закрывает колпачок. — Тамара сама ввела усиленное большинство, чтобы один владелец не менял руководство в одиночку. Когда правила создавались, они защищали компанию. Теперь они защищают и Влада.

На столе лежит его требование о созыве, а рядом — моя неподписанная жизнь в папке мужа. Я закрываю глаза всего на секунду, но передо мной сразу появляется Тамара на подушках: «Сегодня ничего не решай».

— Хорошо. Сегодня я не решаю, нужна ли мне компания. Но я хочу видеть всё, что касается проверки.

— Увидите то, к чему у меня есть законный доступ, — отвечает Андрей. — Начнём завтра. Сегодня вам нужно хотя

бы поспать.

Секретарь входит без стука и передаёт нотариусу только что распечатанный документ. Та читает первую страницу, затем смотрит на меня уже иначе — внимательнее, почти настороженно.

— Ольга Владиславовна, представитель вашего супруга уведомил нас о подготовке заявления в суд. Они потребуют признать последнее завещание недействительным.

Я ещё держу в руках чужую ручку.

— На каком основании?

Нотариус кладёт документ поверх нарисованных пяти квадратов.

— Они утверждают, что в день подписания Тамара Андреевна не понимала значения своих действий.

Глава 5. Тринадцать недель

— Она прекрасно понимала, что делала.

Мой ответ звучит слишком быстро. Ещё утром я бы перечислила Тамарины лекарства, фамилии врачей, последние разговоры и поклялась, что ни разу не видела её беспомощной перед решением. Теперь на столе лежит иск, который Влад успел подготовить ещё до оглашения, и одной моей уверенности мало.

— Этим займутся специалисты, — говорит нотариус. — Не обсуждайте медицинские обстоятельства без своего представителя и не передавайте документы другой стороне.

Другой стороной она называет моего мужа. Влад ждёт в соседней комнате вместе с беременной любовницей, хотя о беременности я пока не знаю. Мне известно лишь, что одиннадцать дней назад он приказал адвокату составить развод и одновременно собирал сведения против последней воли матери.

Андрей забирает копию уведомления и встаёт.

— Сегодня больше ничего не подписывайте. Я свяжу вас с наследственным адвокатом, если у вас нет своего.

— У меня никогда не было причин заводить своего адвоката, — отвечаю я. — Все семейные вопросы вёл человек Влада.

Собственная фраза неприятно отрезвляет. За семнадцать

лет я успела стать человеком без отдельного врача, юриста и даже банковского менеджера. Всё семейное шло через Влада, а всё Тамарино — через меня, пока касалось её температуры, питания и боли.

Домой я возвращаюсь одна. Венок остаётся в машине, потому что поднять его до квартиры сил не хватает. В прихожей горит свет. Я сначала думаю, что Маша уже вернулась от подруги, но из кухни выходит Влад без пиджака. Пиджак висит на спинке моего стула, будто сегодняшний день ничем не отличается от сотни прежних.

— Я сделал чай, — говорит он. — Нам надо поговорить без Крылова, нотариуса и зрителей.

— У тебя ключи всё ещё от собственного дома. — Я вешаю пальто рядом с его пиджаком. — Можешь не вести себя как гость.

— После того, что произошло, я уже не уверен, чей он, — отвечает Влад, проследив за моим движением.

Квартира приобретена в браке, но сейчас я не готова спорить ещё и об этом. Снимаю туфли, ставлю сумку на пол и только тогда замечаю на столе две чашки. Влад налил мне чёрный чай с лимоном, хотя последние пять лет я пью зелёный. Он запомнил женщину, которой я была раньше, и, возможно, до сих пор разговаривает именно с ней.

— Ты действительно подашь в суд?

— А что мне остаётся? — Он не садится, пока не сажусь я. — Мама обещала компанию мне. Было завещание, мы его

обсуждали. Потом ты закрылась с ней в доме, ограничила мои визиты, а через несколько недель появился новый документ. На моём месте ты бы тоже задавала вопросы.

— Я не закрывалась. Тамара просила тебя не пускать после ваших ссор. Ты приезжал без предупреждения, доводил её до давления и уезжал на очередную встречу.

— Потому что она вмешивалась в рабочие решения, о которых знала половину. — Влад отодвигает нетронутую чашку и смягчает голос. — Оля, я не хочу превращать тебя во врага. Развод и наследство — разные вещи. Наш брак закончился давно. Мамино решение, принятое под препаратами, не должно определять будущее компании.

— Удобное разделение. Ты три года спал с Кариной, а сегодня принёс мне развод. С этим я должна разбираться как жена. Потом ты обвиняешь меня в манипуляциях — и тут я уже случайная наследница, с которой ты просто судишься.

— Я не обвиняю тебя в сознательном обмане. Возможно, мама решила тебя отблагодарить, а Крылов предложил форму. Возможно, она вообще не понимала масштаб. Пятьдесят пять процентов компании отличаются от дома или счёта. Там работают почти две тысячи человек.

Мне хочется сразу возразить и заговорить о доверии. Я удерживаюсь. Тамара сказала слишком мало, чтобы я могла прикрыться её словами как щитом.

— Тогда зачем ты принёс развод до оглашения? Если считал меня беспомощной женщиной после похорон, мог подо-

ждать хотя бы сутки.

Влад берёт мою чашку и переставляет ближе. Чай пахнет лимонной коркой; от этого запаха подступает тошнота. Так пахло в палате, когда Тамара уже не могла пить воду и я смачивала ей губы.

— Потому что дальше тянуть нечестно. — Влад подталкивает ко мне чашку, которой я так и не коснулась. — Мы оба несчастны. Маша почти взрослая, она справится. Тебе остаётся квартира, машина, нормальные деньги. Ты сможешь отдыхать, заняться собой, вернуться к чему угодно, если захочешь.

— А ты? — Я оставляю чашку на прежнем месте.

— Что я? — переспрашивает он с запозданием.

Он отвечает с запозданием. Я слышу, как в ванной капает кран, который Влад обещал починить ещё в июне. У Карины, наверное, ничего не капает. Или она просто вызывает мастера и не считает это просьбой, которую муж может отложить на четыре месяца.

— Почему ты решил, что дальше тянуть нельзя именно сейчас? Тамара умерла четыре дня назад. С Кариной ты три года. Что изменилось?

Влад проводит ладонью по лицу. Впервые за разговор в нём появляется что-то кроме готовых объяснений. Он смотрит на закрытую дверь Машиной комнаты, проверяя, точно ли дочери нет дома.

— Карина беременна.

Я кладу ложку на блюдце. Металл ударяется о фарфор, и капля чая падает на белую скатерть.

— Сколько?

— Тринадцать недель. — Влад не прячет глаза, хотя пальцы сильнее обхватывают чашку. — Я узнал месяц назад. Поэтому подготовил документы. Я собирался сказать тебе до больницы, потом маме стало хуже, и всё опять отодвинулось.

— Одиннадцать дней назад ты уже знал, что она может умереть.

— Да. И знал, что у меня будет ребёнок. — Он произносит это жёстче, защищая ещё не родившегося малыша от обвинения, которого я не выдвигала. — Я обязан подумать о нём тоже.

О нём. Слово уже имеет вес, занимает место за нашим столом. Мне хочется спросить, мальчик или девочка, выбрали ли они имя, водил ли Влад Карину на первое обследование. Вместо этого я прижимаю салфетку к чайному пятну и смотрю, как коричневая влага проходит сквозь бумагу.

— Маша знает? — Я выпрямляюсь, забыв о пятне на скатерти.

— Нет. — Влад переводит взгляд на дверь дочери. — Я хотел, чтобы мы сказали вместе и спокойно.

— Когда? — Я сминаю промокшую салфетку. — После того как я подпишу твои условия? Или после того как ты отсудишь у меня наследство?

— Не передёргивай. — Он тянется за своей чашкой и тут

же отдёргивает руку от горячего фарфора. — Я здесь именно потому, что хотел договориться по-человечески.

— Ты пришёл по-человечески на похороны матери с беременной любовницей и папкой о разводе, — напоминаю я.

Влад отодвигает стул. Чай выплёскивается ему на руку, но он словно не замечает.

— Карина приехала как директор по развитию. — Влад промокает рукав салфеткой, всё сильнее втирая чай в ткань. — У нас сорвались две встречи, проект стоит, совет ждёт решений. И да, я больше не собираюсь прятать женщину, с которой буду жить. Это больно, я понимаю. Но ложь должна когда-то закончиться.

— Твоя ложь закончилась, когда дальше врать стало неудобно, — отвечаю я.

Он собирается ответить, однако в прихожей хлопает дверь. Маша обычно бросает ключи в стеклянную чашу, и звон разносится по всей квартире. Сегодня чашка остаётся тихой.

Дочь появляется на пороге кухни в расстёгнутой куртке. Щёки красные от холода, телефон зажат в руке. Она переводит взгляд с отца на две чашки и пятно на скатерти.

— Вы оба здесь, — выдыхает она. — Отлично.

Я встаю и сразу замечаю, как её трясёт. Маша отступает, не позволяя себя обнять, и поднимает телефон. На экране открыт семейный чат. Между сообщениями с соболезнованиями — фотография Карины у машины Влада и чей-то во-

прос о том, правда ли «новая невестка» беременна.

— Машенька, дай мне объяснить, — начинает Влад.

Она прижимает телефон к груди, будто отец может выхватить его и стереть увиденное.

— Это правда, мам?

Глава 6. Почему я

— Про Карину — правда, — отвечаю я.

Слова царапают горло, но я не могу повторить Влада и прикрыть ложь желанием выбрать подходящий момент. Маша смотрит только на меня. На отца она будто запретила себе поворачиваться.

— И ребёнок?

Я успеваю кивнуть прежде, чем Влад подходит ближе.

— Маш, я сам собирался тебе сказать. Не в чате и не сегодня, когда ты после похорон едва держишься.

— Ты сам? — Она наконец смотрит на него. — Когда? Ребёнку уже тринадцать недель. Ты ждал, пока он родится?

Влад вздрагивает и косится на меня. Значит, рассчитывал назвать срок дочери позже или не называть совсем. Я беру Машу за ледяные пальцы и веду к столу. Она позволяет снять куртку, но садиться отказывается.

— Я узнал не сразу, — объясняет Влад осторожнее. — Между мной и твоей мамой давно всё закончилось. Мы оставались вместе ради тебя и бабушки.

— Не впутывай меня, — просит Маша. Голос у неё тихий, и от этого Влад замолкает быстрее, чем от крика. — Я ни разу не просила тебя спать с другой женщиной ради меня.

Она дёргает руку из моей ладони и идёт в свою комнату. Через несколько шагов останавливается, разворачивается к

отцу, словно надеется, что он сейчас произнесёт одну фразу и вернёт прежнюю семью.

— Ты любишь её?

Влад смотрит на дочь дольше, чем нужно для простого ответа.

— Да. Мы будем вместе.

Маша кивает. Подбородок дрожит, и она кусает губу, не позволяя себе заплакать при нём. Я хочу пойти следом, но дочь закрывает дверь прямо передо мной. Замок щёлкает.

— Оставь её, — говорит Влад. — Ей нужно переварить.

Я поворачиваюсь так резко, что он отступает от двери.

— Не рассказывай мне, что ей нужно. — Я встаю между ним и Машиной дверью. — Уходи.

— Оль, мы должны договориться, как говорить с ней дальше, — настаивает Влад, но уже тянется за пиджаком.

— Дальше ты не будешь использовать Машу для объяснения трёхлетней измены. Хочешь сказать, что полюбил Карину, — скажи. Хочешь признать, что лгал, — признай. Но если ещё раз произнесёшь «ради дочери», я закончу разговор при первом слове.

Влад берёт пиджак со спинки стула. Возле входной двери он задерживается, прислушивается к тишине за Машиной дверью и всё-таки уходит, не попрощавшись.

Я сажусь на пол в коридоре. Там прохладно, спиной чувствую каждую деревянную планку двери. Минут через десять с другой стороны раздаётся шорох.

— Мам? — Голос Маши доносится почти от самого пола.

— Я здесь, — отвечаю я и касаюсь двери затылком.

— Я не хочу его видеть. — За дверью снова шуршит одежда; видимо, она тоже села.

— Хорошо. Сегодня не увидишь, — обещаю я.

Она молчит, потом спрашивает, правда ли бабушка оставила мне компанию. Значит, чат успел разнести и это. Я объясняю только главное: завещание есть, Влад собирается спорить, сейчас ничего ещё не принадлежит мне. Маша слушает через дверь, а потом неожиданно поворачивает ключ.

Глаза у неё опухли, тушь размазана. Она садится рядом со мной на пол, подтягивает колени и кладёт голову мне на плечо.

— Бабушка знала про неё? — Маша вытирает щёку рукавом домашней кофты.

— Узнала недавно. — Я осторожно убираю прядь с её мокрого лица. — Хотела, чтобы папа сам рассказал мне.

— И он не рассказал, — заканчивает дочь и снова кладёт голову мне на плечо.

Я не повторяю очевидное. Обнимаю дочь и чувствую, как постепенно согреваются её пальцы. Через несколько минут Маша шепчет, что никогда больше не ответит отцу. Ещё через час сама спрашивает, написал ли он. К вечеру просит никому не говорить, если всё-таки согласится с ним встретиться. Её кидает от злости к тоске, и я не пытаюсь закрепить её на своей стороне. Мне хватило Влада, который заранее ре-

шил за нас обеих, что мы выдержим.

На следующее утро я еду в дом Тамары. Нужно забрать медицинские документы для адвоката и одежду, в которой свекровь госпитализировали. Оставить её на крючке у двери почему-то невыносимо.

Дом встречает затхлым теплом и тиканьем больших часов в гостиной. Сиделки больше нет, чайник холодный. На подлокотнике кресла лежит Тамарин плед, сложенный не мной, поэтому угол выбился наружу. Я поправляю его и тут же злюсь на себя: хозяйка уже не увидит беспорядка.

Около двенадцати кто-то стучит в дверь. Звонок я выключила во время Тамариной последней недели и забыла включить. Открываю не сразу: сижу на полу среди лекарств и пытаюсь разобрать, зачем мы заказывали три одинаковые упаковки. Андрей ждёт на крыльце под дождём, держа папку под пальто.

— Осторожно, здесь коробка, — предупреждаю я, пропуская его в прихожую. — И там ещё одна. Я пока не знаю, выбрасывать их или хранить для суда.

Он перешагивает лекарства, стряхивает воду с волос и вместо ответа достаёт плотный кремовый конверт.

— Вы вчера спрашивали о письме. Тамара Андреевна отдала его мне вместе с распоряжениями исполнителю. Запечатанным.

Моё имя написано её рукой. Последняя буква съехала к краю, будто Тамара устала, но всё равно вывела отчество

полностью. Я ковыряю ногтем клапан и лишь надрываю бумагу.

— В день завещания? — спрашиваю я, пока Андрей помогает снять с конверта упрямую полоску клея.

— Вечером. Я забрал письмо и документы. Вам налить воды?

— Лучше останьтесь здесь. — Я сажусь за стол и киваю на соседний стул, потом спохватываюсь: — Только не рядом. Если она написала что-нибудь ужасное, я не хочу читать через ваше плечо.

Андрей отодвигает стул к окну. Первая же строчка заставляет меня проверить, точно ли письмо адресовано мне.

«Оля, ты наверняка решишь, что я сошла с ума. Не спеши соглашаться с Владом. Он будет первым, кто это скажет».

Я невольно смеюсь, и смех сразу ломается. Тамара будто сидит напротив, сердитая и живая. Дальше она вспоминает первый гостиничный комплекс. Как я сама принимала горничных, потому что приглашённый управляющий запил за неделю до открытия. Как ночевала в служебном номере, перепечатывала инструкции, возвращала поставщику испорченное мясо и за два часа рассаживала сто двадцать гостей после ошибки организаторов.

Некоторые подробности я забыла. Другие научилась считать незначительными, потому что Влад называл те годы семейной помощью, а настоящей работой — только то, что началось после его прихода на должность.

Тамара пишет: «Потом родилась Маша. Ты отошла ненадолго, а мы с Владом позволили этому “ненадолго” стать твоей жизнью. Я тоже виновата. Мне было удобно, что ты держишь дом, ребёнка и нас обоих. Через десять лет даже ты говорила о компании так, будто никогда её не строила».

Я перечитываю абзац дважды. Андрей сидит у окна и смотрит во двор. Не торопит, не утешает и не делает вид, что не слышит, как я шмыгаю носом.

«Я оставляю тебе акции не в обмен на последние два года. Ни один стакан воды у моей кровати не должен превратиться для тебя в плату за наследство. Я изменила решение раньше, когда поняла, что больше не могу доверить Владу контроль».

— Она не считала, что я должна сама управлять компанией, — говорю вслух, дочитав следующий лист.

Андрей поворачивается ко мне.

— И была права. — Андрей поворачивается ко мне. — Собственник обязан выбрать людей, которым доверяет, понимать риски и спрашивать с руководства. Должность генерального директора к наследству не прилагается.

— Почему тогда не вы? — Я опускаю письмо на колени. — Вы умеете управлять активами и не зависите от Влада.

— Потому что Тамара поручила мне сохранить чужую собственность, а не получить её. — Он отвечает без обиды, словно этот вопрос Тамара уже задавала ему сама. — Я никогда не просил долю и не хотел становиться членом вашей семьи через документы.

В письме есть ответ и на вопрос, почему свекровь выбрала меня, а не Машу. Внучке семнадцать. Передать ей контроль сейчас означало бы снова отдать рычаг её отцу. Недвижимость и инвестиции Тамара добавила затем, чтобы я не была вынуждена немедленно продать акции ради денег.

Последняя страница короче.

«Я не сказала тебе при жизни, потому что ты пошла бы к Владу и потребовала, чтобы мы разобрались. Я ещё не закончила проверку. И я не хотела, чтобы рядом с моей кроватью ты начала сомневаться в себе».

Под подписью одна строка, написанная твёрже остальных. Я читаю её, затем протягиваю письмо Андрею. Он не берёт, только наклоняется, чтобы увидеть.

«Если хочешь понять, почему я передумала, начни с Северного берега».

Глава 7. Северный берег

— Покажите мне его, — говорю я.

Андрей смотрит на письмо, затем на часы. На столе всё ещё стоят Тамарины лекарства, за окном дождь переходит в мокрый снег. Наверное, нормальные люди после похорон не разбирают инвестиционные проекты в доме умершего. Но нормальные мужья не приносят развод на кладбище, а сыновья не готовят иск против матери заранее.

— Проект большой. — Андрей берёт Тамарино письмо за край и ждёт, пока я уберу его в конверт. — За десять минут не получится.

— У меня сегодня нет других дел, которые я понимаю лучше, — отвечаю я и освобождаю стол.

Он переносит коробки с лекарствами к стене, а я освобождаю Тамарин стол в кабинете. Под стопкой журналов нахожу её очки и автоматически протираю стёкла краем кофты. Потом кладу обратно. Андрей ничего не говорит, пока подключает ноутбук к большому экрану.

Первая картинка красивая до неприличия: вода, светлые корпуса, деревянные террасы, лодки у причала. Над заливом будто круглый год стоит июль. Я узнаю берег, хотя старый комплекс на изображении разобран почти полностью.

— «Северный берег» был первым крупным объектом Тамары, — говорит Андрей. — Земли больше тридцати гекта-

ров, собственная береговая линия. Здания устарели, загрузка падает. Влад предложил создать совместную проектную компанию с девелопером «Гранд Девелопмент».

— Я слышала презентацию за семейными ужинами. Новые корпуса, спа, коттеджи и яхт-клуб. Через пять лет стоимость актива должна вырасти втрое.

— В оптимистичной модели — да.

Андрей переключает с картинок на таблицу. Слева вклад холдинга: действующий комплекс и земля. Справа — финансирование девелопера. По цифрам сделка выглядит разумно даже мне. Старый объект требует ремонта, свободных денег на него у компании мало, партнёр приносит инвестиции и опыт строительства.

— Что здесь напугало Тамару?

— Я пока не знаю. — Андрей раскрывает список документов. — Сначала она поддерживала проект. Два месяца назад потребовала от Влада полный комплект соглашений, протоколы переговоров и расчёты по каждому сценарию. Через неделю остановила передачу земли до окончания аудита.

— Влад говорил, что она испугалась риска из-за болезни, — вспоминаю я, листая расчёты.

— Возможно, он сам в это верит. — Андрей возвращает на экран изображение берега. — Но Тамара редко пугалась после красивой презентации. Обычно находила цифру, которая ей не нравилась.

На полке возле стола стоят папки с объектами. «Северный

берег» занимает две толстые. Я снимаю первую и чихаю от пыли: видимо, бумажные копии почти не трогали, всё держали в электронной системе.

— Влада не насторожило, что мать запросила документы? — Я снимаю с полки вторую папку и ставлю рядом с первой.

— Насторожило. — Андрей придерживает папки, чтобы они не съехали со стола. — Он объяснял это обычной проверкой перед большим вложением. Однако после появления внешних аудиторов отменил две встречи со мной и пытался убедить Тамару перенести проверку до запуска проекта.

— Вы были против сделки? — Я раскрываю верхнюю папку на финансовой модели.

Андрей подаёт мне тонкую папку с финансовой моделью.

— Я был против передачи земли до проверки обязательств. Сам проект может быть хорошим. Тамара и назначила независимый аудит, потому что не хотела судить только по моему мнению или мнению сына.

Его спокойствие начинает раздражать. У Тамары было сорок три дня, чтобы написать мне письмо, назначить Андрея исполнителем и запустить проверку. У Влада — одиннадцать, чтобы подготовить развод. Только я ничего не знала и теперь листаю чужие таблицы, пытаясь догнать их решения.

— Почему вы не закончили аудит раньше? — спрашиваю я, уже не скрывая раздражения.

— Потому что часть документов предоставляли с задерж-

кой. — Андрей не оправдывается, только закрывает лишние вкладки на экране. — Потом Тамару госпитализировали, полномочия на дополнительные запросы пришлось подтверждать. Проверка шла восемнадцать рабочих дней. Этого мало для такой сделки.

— А сколько нужно? — Я захлопываю папку громче, чем собиралась.

— Столько, сколько потребуется, чтобы получить все бумаги, — отвечает он, не отодвигаясь от стола.

— Очень удобный ответ человека, у которого нет мужа с иском и тридцати пяти дней до собрания.

Андрей садится напротив, не повышая голоса.

— Я могу назвать вам красивый срок и соврать. Могу поторопить аудиторов, получить отчёт с дырами и вручить его независимому директору. Влад разберёт такой отчёт за час, и второй попытки нам не дадут. Вам какой вариант удобнее?

Я смотрю на царапину на столе. Её оставила я двадцать лет назад, когда мы с Тамарой резали здесь образцы ткани для первого комплекса. Свекровь страшно ругалась, потом заказала стекло, но стол менять не стала. Мне вдруг делается неловко за собственную резкость.

— Мне удобнее правда. — Я снова открываю папку на заломленной странице. — Просто сегодня её слишком много и одновременно недостаточно.

— Тогда начнём с того, что есть, — предлагает Андрей и разворачивает ко мне реестр.

Он не принимает извинение, которого я не произнесла, и не требует. Мы открываем реестр договора. Основное соглашение, устав будущей проектной компании, оценка земли, календарный план. Андрей объясняет только то, о чём я спрашиваю. Если не знает, так и говорит. Через полчаса я перестаю ждать подвоха в каждом термине и начинаю записывать.

— Почему «Соколова Групп» должна внести землю сразу, а девелопер перечисляет финансирование частями? — Я подчёркиваю разные сроки в таблице.

— Влад объяснял: иначе партнёр не принимает риск проектирования. — Андрей открывает перечень обеспечений. — Тамара с этим согласилась при условии банковской гарантии.

— Гарантия есть? — Я придвигаю ноутбук ближе.

— В шестом приложении, — отвечает он и показывает нужную строку.

Я нахожу его в электронном списке. Рядом стоят даты загрузки и фамилии сотрудников. Карина Викторовна Лебедева появляется чаще других: финансовая модель, презентации, согласование технического задания. Влад подписывает основные документы.

— Карина вела всё с начала? — Я задерживаю палец на её фамилии.

— Последние полтора года. — Андрей замечает мою паузу, но не пытается смягчить ответ. — Она сильный директор

по развитию. Отдел проекта собирала сама.

Мне хочется услышать, что любовница мужа бездарна и получила должность через его постель. Вместо этого узнаю, что она действительно работала. Унижение от этого другое, более взрослое. Влад выбрал женщину, которая сидела с ним на совещаниях, знала его планы и говорила на языке, от которого я давно отвыкла.

— У её брата есть интерес в проекте? — Я нахожу знакомую фамилию в списке претендентов.

— Компания Дениса Лебедева участвовала в предварительном отборе подрядчиков. — Андрей открывает карточку участника, где рядом с фамилией стоит пометка аудитора. — Контракт пока не заключён. Связь проверяют как возможный конфликт интересов.

Я листаю дальше. После шестого приложения идёт восьмое — страхование строительно-монтажных рисков.

— Здесь ошибка в нумерации? — Я провожу пальцем от шестой строки к восьмой.

— В каком месте? — Андрей наклоняется к экрану.

Я разворачиваю ноутбук к Андрею и веду пальцем по строчкам. Основной договор ссылается на восемь приложений. В реестре лежат первое, второе, третье, четвёртое, пятое, шестое и восьмое.

— А семь?

Андрей увеличивает список, проверяет бумажную опись во второй папке и возвращается к экрану. Теперь его спокой-

ствие исчезает: он дважды прокручивает реестр вверх, словно файл может возникнуть между строками.

— Именно его аудиторы не нашли.

Глава 8. Жена Влада

— Раньше этот пропуск никто не заметил? — Я наклоняюсь к папке, словно между шестым и восьмым приложениями может обнаружиться тонкий забытый лист.

Андрей просматривает опись ещё раз. В самом договоре номера по отдельности не названы: в конце стоит только сухое «согласно приложениям 1–8». Ошибка вполне могла прожить месяцами. Или кто-то очень рассчитывал, что её примут за ошибку.

— Спросите Влада, — говорю я.

— И юридический отдел. И Карину. И консультантов девелопера. — Андрей придвигает к себе ноутбук. — Если запрос уйдёт всем одновременно, будет сложнее договориться, какую версию считать правильной.

— Значит, он через пять минут поймёт, что мы ищем.

— Через пять минут поймёт, — соглашается Андрей. — Зато завтра никто не скажет, что нужный файл случайно потерялся за ночь.

Он составляет короткое письмо при мне: полный реестр версий, все приложения, история согласований. В копии — аудиторы. Никаких обвинений и намёков, одна просьба предоставить документы до полудня. Когда письмо уходит, я замечаю, что впервые за эти дни не отбиваюсь от чужого решения, а сама заставляю кого-то отвечать.

Утром я еду в центральный офис «Соколова Групп». Стеклянное здание появилось уже после моего ухода из компании. На первом этаже пахнет кофе и новой мебелью, сотрудники проходят через турникеты по телефонам. Моя фамилия висит на стене огромными металлическими буквами, а охранник просит подождать, пока подтвердят пропуск.

— Ольга Владиславовна, простите, — девушка с ресепшена краснеет и торопливо печатает временную карточку. — Вас не внесли в список участников.

— Кто составляет список?

Она смотрит куда-то за моё плечо. Влад идёт через холл вместе с Кариной и двумя сотрудниками. На нём тёмно-синий костюм, в руке планшет. Карина сегодня без пальто, в свободной светлой блузке. Живота ещё не видно, но теперь я замечаю, что она держит стакан воды вместо привычного кофе.

— Я не знал, что ты приедешь, — говорит Влад, остановившись перед турникетом с внутренней стороны.

— Андрей прислал уведомление вчера вечером. Я в копии.

— У меня после похорон сотня писем. — Он прикладывает пропуск и выходит ко мне. — Это оперативное совещание. Там обсуждают цифры, которые без подготовки ничего тебе не дадут. Давай я позже пришлю краткий итог.

Сотрудники рядом делают вид, что заняты телефонами. Карина смотрит на девушку с ресепшена, будто хочет изба-

вить её от необходимости слушать, однако не уходит.

— Я умею читать цифры, Влад.

— Я не сказал, что не умеешь. Ты пережила тяжёлую ночь, похороны, оглашение. Тебе нужно время. — Он касается локтем моей руки и тихо добавляет: — Не позволяй Крылову выставлять тебя перед людьми, которые будут сравнивать нас. Он уйдёт после наследства, а тебе здесь жить.

Я отстраняюсь. Со стороны его жест наверняка выглядит заботливым: муж поддерживает убитую горем жену. Сотрудники услышали ровно то, что он хотел им дать, — я устала, ничего не знаю, Андрей привёл меня ради войны.

— Тогда начнём с того, что я сама решу, сколько времени мне нужно.

Андрей появляется в холле с временной карточкой уже на моё имя. Не спорит с Владом и не объясняет, почему я имею право войти. Просто протягивает пропуск мне.

В переговорной двенадцать человек. Я узнаю двоих по первым объектам, остальные представляются слишком быстро. Влад сажает меня справа от себя и просит помощницу принести чай. Снова чёрный с лимоном. Я меняю его на воду, пока он открывает заседание.

— Сегодня с нами Ольга, — объявляет Влад, обводя стол спокойным взглядом. — У неё тяжёлая неделя, поэтому прошу не перегружать деталями. По всем вопросам наследственного управления взаимодействуем с Андреем Крыловым в установленном порядке.

Я слышу, как кто-то осторожно выдыхает. Он назвал меня Ольгой, не Ольгой Владиславовной и не будущим акционером. Женой Влада, которой позволили посидеть рядом.

— Детали я сама остановлю, если устану, — говорю я. — Продолжайте.

Совещание идёт по объектам. Заполняемость, ремонт, жалобы, кассовые разрывы. Новая система отчётности мне незнакома, сокращения приходится записывать на полях. Несколько раз я теряю нить и злюсь на себя. Влад терпеливо переводит один показатель в другой, причём каждый раз так подробно, что все успевают заметить моё незнание.

Потом на экране появляется старый флагманский комплекс. До передачи в проектную компанию его ещё обслуживает холдинг. Павел Сергеевич Нестеров, директор объекта, доходит до зимних расходов. Я слушаю вполуха: консервация, отопление пустых корпусов, замена белья. Последнее слово возвращает внимание к таблице.

В строке «технологические потери прачечной» стоит процент почти вдвое выше, чем у остальных объектов. Я сперва решаю, что перепутала столбцы, и пересчитываю на полях.

— Павел Сергеевич, а почему база — всё бельё, которое поступило на объект?

Он снимает очки, протирает стекло краем галстука и смотрит на финансового директора. Влад отвечает раньше обоих:

— Там старые машины, Оль. Простыни портятся чаще.

— Подождите. — Я зачеркиваю процент и пишу рядом два числа. Ручка цепляет бумагу, оставляет кляксу. — Если на склад приехала тысяча простыней, а прачечная взяла семьсот, она могла испортить только эти семьсот. Остальные триста здесь зачем?

— Оль, сейчас никто не считает простыни вручную, — мягко говорит Влад.

— Зато платим вполне вручную. И дважды, похоже.

Павел Сергеевич начинает что-то объяснять про аутсорсинг, сбивается на середине. Я уже вспомнила, почему число царапнуло взгляд. В первом корпусе мы с Тамарой полдня просидели на перевёрнутых ящиках возле сушилок. Подрядчик принёс акт на списание и клялся, что дырки появляются сами — такая ткань. Тамара тогда сунула ему под нос наволочку с чётким отпечатком нагревателя и сказала: «Если сама, пусть сама и подпишет».

— Был отдельный журнал порчи, — говорю я Павлу Сергеевичу. — Вы ещё просили его отменить. Заведующие ругались.

Он поправляет очки и сдаётся:

— Был. Потом прачечную вывели наружу, форму меняли.

— И при смене формы потеряли претензии к подрядчику? — спрашивает Карина.

Теперь ищут уже все. Финансовый директор листает архив, помощница заглядывает ему через плечо. Первый результат находит Карина; ссылка падает в общий чат, телефо-

ны вокруг стола отзываются почти одновременно.

— Вот, — она увеличивает таблицу. — Списание гостиницы — слева. Возмещение прачечной — справа. Два разных документа.

Влад перестаёт улыбаться. Финансовый директор, заметив это, торопится:

— При переходе на аутсорсинг строки свели. Неудачно свели, согласен. Сравнение по объектам пересчитаем.

— Хорошо. Исправьте форму, — отрезает Влад. — Прачечная съела достаточно времени.

— Если бы дело было в форме. — Я вытаскиваю лист из-под его ладони. — Пока цифры лежат одной кучей, подрядчик может брать деньги за испорченное бельё и одновременно возмещать ущерб. Куда попадало возмещение весь прошлый год?

Карина перестаёт листать планшет. Она смотрит на Влада, потом просит финансового директора отправить договор ей и Павлу Сергеевичу до конца дня. Просьба деловая, правильная, и от этого особенно неприятно: в другой жизни мы, возможно, нормально работали бы за одним столом.

— Проверим расчёты и вернём переплату, если она есть, — говорит она. — Ольга Владиславовна, старые нормы тоже пришлите, пожалуйста.

Я отправляю ей ссылку сама. Влад больше не предлагает закрыть тему.

Я не выигрываю совещание. Через десять минут снова не

понимаю половины слайда по кредитной нагрузке. Но люди начинают обращаться ко мне по имени-отчеству, а помощница переставляет воду ближе без просьбы Влада.

После заседания Павел Сергеевич догоняет меня возле лифта. Он сильно поседел с нашей последней встречи и прихрамывает, но всё ещё носит ручку в нагрудном кармане рубашки.

— А я думал, вы всё забыли, — говорит он, нажимая кнопку первого этажа.

— Я тоже так думала. Видимо, запах прачечной не выветривается двадцать лет.

Он улыбается, потом проверяет, закрылась ли дверь переговорной. Лифт приезжает, но Павел Сергеевич не входит.

— Тамара Андреевна перед больницей тоже рылась в Северном береге.

Глава 9. Тридцать пять дней

— Что значит «рылась»? — Лифт раскрывает двери, но я удерживаю их ладонью.

Павел Сергеевич мнётся. За нашими спинами уже собираются люди, кто-то кашляет, кому-то надо вниз, и он всё-таки заходит в кабину. Нажимает первый этаж, хотя только что собирался остаться.

— Приезжала без предупреждения. В архив ходила, акты поднимала. С Ниной из договорного отдела часа два просидела. А потом потребовала весь пакет по Северному берегу на бумаге.

— Когда?

— Дня за три до больницы. Может, за четыре. — Он косится на камеру под потолком. — Я деталей не знаю, Ольга Владиславовна. Увидел её у нас и спросил, что случилось. Она сказала: «Хочу понять, сколько стоит доверие к собственному сыну». Вот и всё.

Кабина останавливается на седьмом. Павел Сергеевич выходит, спохватывается, что ему нужен первый, и снова протискивается внутрь. Неловкость почти смешная, только смеяться не получается.

— Нина сейчас в офисе?

— В отпуске с понедельника. В Турции, кажется.

Я записываю фамилию и номер, который он диктует. Ан-

дрей ждёт в холле, прислонившись к колонне. По моему лицу понимает, что поездка не закончилась прачечной.

В машине я пересказываю разговор. Он звонит аудиторам, просит сохранить журналы доступа к архиву и копии документов, которые заказывала Тамара. Затем убирает телефон, не делая вывода за меня.

— Она уже знала про приложение? — спрашиваю я.

— Не знаю. Фраза о доверии могла относиться к самому проекту. А могла к чему угодно, что происходило между ними.

— У вас на всё один ответ.

— Когда данных нет, да.

Я отворачиваюсь к окну. Мне хочется, чтобы хоть один человек уверенно произнёс: Влад украл, Влад подделал, Влад предал мать, и вот бумага, на которой всё написано. Вместо этого у нас пропущенный номер, отпуск Нины и слова в лифте. С таким набором не выгоняют генерального директора. С таким даже семейный скандал выглядит убедительнее расследования.

Мы останавливаемся в небольшом кафе через дорогу от офиса. Андрей заказывает суп и хлеб, я — кофе, хотя с утра ничего не ела. Он подвигает ко мне свою хлебную корзинку. Я машинально беру ломтик, откусываю и только потом замечаю его взгляд.

— Не начинайте.

— Я молчу.

— Вы молчите очень назидательно.

— Полезный навык исполнителя.

На салфетке он рисует пять кружков. Три закрашивает синим, один серым, последний оставляет белым.

— Через тридцать пять дней мы можем провести внеочередное собрание и переизбрать совет. Устав позволяет мне сократить срок, пока я управляю пакетом Тамары. Её пятьдесят пять процентов дадут нам троих директоров.

— А сейчас у Влада трое из пяти.

— Да. До собрания он защищён старым советом. После — у вас будет большинство, но для прекращения его полномочий устав требует четыре голоса.

Я провожу ногтем по белому кружку.

— Значит, нужен кто-то из старых инвесторов.

— Их пакеты небольшие, зато один директор у них общий и независимый. Его фамилия Громов. Он работал ещё с Тамарой, потом ушёл из операционной деятельности. Для него Влад — руководитель, при котором стоимость компании росла двадцать лет.

— И моя семейная жизнь его не касается.

— Совершенно верно.

— Даже иск?

— Пока иск выглядит семейной войной за наследство. Инвесторам нужен риск для компании: недобросовестная сделка, конфликт интересов, ущерб. Не слух о пропавшем приложении, а документ.

Официантка приносит мой кофе и Андреев суп. Я смотрю на пять кружков, пока он ест. Тридцать пять дней. Ещё неделю назад я выбирала платье для похорон и думала, как пережить вечер рядом с Владом. Теперь у меня есть срок, за который надо разобраться в компании, где чужими стали даже пропуска.

— А если Громов не проголосует?

— Влад останется генеральным директором. Ваш пакет позволит контролировать совет, блокировать крупные решения, менять стратегию. Но снять его без четвёртого голоса вы не сможете.

— И он это знает.

— Лучше нас.

Телефон на столе дрожит. Пишет Маша: «Мам, ты в интернете?» Следом присылает ссылку и сразу звонит.

— Не открывай, — говорит она вместо приветствия.

Я уже нажала.

Заголовок занимает половину экрана: «Сиделка получила семейную империю вместо единственного сына». Под ним моя фотография с похорон. Я стою у ворот кладбища, сжимаю папку Влада и смотрю в сторону Карины. Лицо перекошено, волосы выбились из-под платка. Рядом вставлена фотография дома Тамары, снятая из-за забора.

— Мам, там гадость, — торопится Маша. — Я пожаловалась. И девочки пожаловались. Может, удалят.

— Где ты это увидела?

— В школьном чате. Лиза скинула, она не знала… В общем, неважно. Ты только не читай комментарии.

Я обещаю и тут же прокручиваю ниже. В тексте перечислено наследство: доля в холдинге, загородный дом, два коммерческих помещения, портфель. Точных сумм нет, но автор складывает приблизительные оценки и получает цифру, от которой у меня холодеют пальцы. Отдельный абзац посвящён Владу — единственному сыну, много лет руководившему материнским делом и внезапно оставленному без наследства.

Про его двадцать процентов не сказано. Про Машин образовательный капитал тоже. Про мою работу в первых двух объектах — ни слова. Я здесь бывшая домохозяйка, которая ухаживала за больной женщиной и оказалась рядом с ручкой в нужный момент.

— Мам? — Маша ждёт в трубке. — Ты читаешь, да?

— Да. Прости.

— Папа мог это сделать?

Андрей поднимает взгляд от телефона. Я встаю из-за стола и отхожу к окну.

— Не знаю. Сначала выясню.

— Ты теперь на всё так отвечаешь.

— Потому что не хочу врать тебе, когда не знаю.

На том конце что-то шуршит. Наверное, она ходит по комнате, наступает на одежду, которую обещала убрать ещё вчера.

— В школе все знают про беременность, — тихо говорит Маша. — И что бабушка оставила тебе компанию. Можно я завтра не пойду?

Моё первое желание — сказать «конечно». Закрыть её дома, выключить телефоны, сварить какао, как в детстве. Потом я представляю, что будет послезавтра: те же взгляды, только к ним добавится уверенность, что Маша прячется.

— Можно прийти ко второму уроку. Я отвезу тебя и зайду к классной. Если станет плохо — заберу. Договорились?

— Ты зайдёшь со мной?

— До двери.

Она соглашается после паузы. Перед тем как отключиться, просит ещё раз не читать комментарии. Я закрываю статью, не дойдя до них. От этого поступок не становится разумнее: одна фраза уже засела под кожей.

Я возвращаюсь к столу. Андрей показывает экран своего телефона.

— Издание небольшое, но материал одновременно подхватили шесть каналов. Это не случайный интерес после похорон. Кто-то разослал готовый пакет: фото, адрес дома, структуру активов.

— Кто имеет эти цифры?

— Влад. Нотариус. Я. Несколько сотрудников семейного офиса. Инвесторы знают пакет, но не знают всю недвижимость.

— Вы тоже могли разослать.

— Мог.

Он не возмущается. Просто берёт салфетку с пятью кружками, складывает пополам и убирает во внутренний карман. Его спокойствие опять раздражает меня, но сейчас оно хотя бы не требует веры.

— Найдите источник.

— Уже ищут.

Статья обновляется на моих глазах. Внизу появляется ссылка на «расширенный материал». Я открываю её и читаю вслух, потому что иначе слова звучат слишком громко у меня в голове:

Андрей откладывает ложку. Я снова смотрю на экран и читаю вслух, потому что так слова звучат хотя бы не только у меня в голове:

— «В последние месяцы доступ к тяжело больной предпринимательнице фактически контролировала невестка».

Глава 10. Хуже лжи

— Это правда, — говорю я, глядя на фразу о контролируемом доступе.

Андрей берёт мой телефон, медленно прокручивает абзац и кладёт экраном вверх между чашками.

— «Контролировала» — удобное слово. Под него можно подложить что угодно.

— Тогда подкладывай. Аптечка была заперта у меня в шкафу. Таблетки выдавала я. Её телефон тоже бывал у меня. Влада я несколько раз разворачивала у ворот.

За соседним столом девушка двигает тарелку с пирожным к свету, фотографирует сверху, сбоку, снова сверху. Кофемолка взвизгивает так, что Андрей переспрашивает:

— С назначениями кто разбирался?

— Врач расписывал дозы, я ставила галочки. Тамара однажды выпила обезболивающее, забыла и потянулась за второй таблеткой. После этого коробки убрали. Она сама велела — сердито, между прочим. Будто мы виноваты, что лекарство безвкусное.

— А телефон зачем забирали?

— После звонков Влада она не спала. Он мог набрать десять раз подряд, если ему срочно требовалось согласие. Тамара просила отключить звук или вообще унести аппарат на кухню.

Андрей записывает две даты, которые я вспоминаю. С воротами сложнее. Один ночной приезд после совета директоров. Два августовских визита. Или в сентябре было два, а в августе один?

— Четыре раза, — решаю я. — Каждый раз она слышала, что он приехал, и говорила не пускать. Один раз сама смотрела из окна, пока я врала ему по домофону, что она спит.

— Это кто-нибудь слышал?

— Сиделка. Иногда домработница. Но со стороны всё выглядело ровно так, как написано.

Я снова читаю статью. В ней нет прямого обвинения. Автор умнее тех, кто пишет комментарии. Он ставит рядом больную женщину, огромное наследство и меня с ключами от аптечки. Остальное читатель достраивает сам.

— Здесь хуже лжи, — говорю я. — Ложь можно опровергнуть.

Андрей звонит кому-то из своей команды и просит собрать публикации, время выходов и имена журналистов. Потом называет фамилии людей, бывавших в доме Тамары. Я слышу имя Ларисы Гавриловны — сиделки, работавшей последние восемь месяцев.

— У вас есть её номер?

— В семейном офисе. Сначала с ней свяжется юрист.

— Нет. Если её уже напугали словами про суд, юрист будет вторым человеком, который напугает ещё сильнее. Я позвоню сама.

Номер находится у меня в старой переписке. Лариса Гавриловна отвечает не сразу. На заднем плане громко работает телевизор.

— Олечка? — Она явно удивлена. — Господи, я соболезную. Всё собиралась позвонить, но думала, вам не до меня.

— Спасибо. Лариса Гавриловна, вы сегодня с кем-нибудь говорили о Тамаре Андреевне?

Телевизор обрывается. Она убавляет звук или выходит в другую комнату.

— А что случилось?

Я пересказываю фразу из статьи. Сначала в трубке тихо, потом женщина начинает дышать так часто, что я слышу каждый вдох.

— Я не говорила, что вы её держали! Оля, честное слово, не говорила. Мне позвонила девушка, сказала, что помогает семье подготовить ответ журналистам. Она знала, как Тамара Андреевна умерла, знала фамилию врача. Я решила, от Владислава Сергеевича.

Андрей включает запись на своём телефоне и молча показывает мне экран. Я киваю, затем предупреждаю Ларису Гавриловну, что хочу записать разговор. Она соглашается.

— Что именно вы рассказали?

— Они спрашивали, кто выдавал таблетки, — продолжает Лариса Гавриловна. — Я сказала: вы. Ну а кто ещё, если дозы менять нельзя? Потом про телефон. Потом можно ли Владиславу Сергеевичу приезжать без звонка. Я объяснила:

бывало, Тамара Андреевна его видеть не хотела, а сообщали обычно вы. Всё.

— Вас просили назвать это изоляцией? Говорили, что я ею манипулировала?

— Господи, да нет же! — В трубке что-то падает. Лариса Гавриловна ругается на тапок, который попался под ногу. — Я сказала той девице: Тамару Андреевну попробуй ещё заставь. Она до последнего сама командовала, кому входить и кому пошёл вон. Я именно так сказала — «пошёл вон». Почему они этого не напечатали?

Мне вспоминаются её руки — сильные, с короткими ногтями. Она всегда дважды дёргала защёлку на тонометре, будто не доверяла даже пластику. Сейчас эти руки наверняка трясутся. Чужую историю она не продавала; просто отвечала вежливой девушке, которая заранее расставила вопросы в нужном порядке.

— От неё осталось сообщение или номер?

— Осталось. Просила подписать согласие на цитату и прислать фотографию. Я ничего не отправила, Олечка, вот крест.

— Верю. Перешлите всё мне и пока не берите незнакомые номера. Хорошо?

Она снова принимается извиняться. Я перебиваю, прощаюсь и ещё несколько секунд держу телефон у уха, слушая уже пустую линию.

Пересланное сообщение всплывает почти сразу. «Елена,

антикризисная коммуникация семьи Соколовых». Ни фамилии, ни должности. Зато почта служебная — агентство «Контур Репутации».

Андрей находит сайт агентства. Списка клиентов там нет.

— Нужно доказать, кто их нанял, — говорит он.

— Спросим прямо.

Я звоню по номеру на сайте. Менеджер бодро представляется и, услышав мою фамилию, мгновенно становится осторожнее.

— К сожалению, мы не комментируем работу с клиентами.

— Тогда прокомментируйте сотрудницу Елену, которая представилась моей сиделке человеком, помогающим моей семье.

— Я передам ваш вопрос руководителю проекта.

— Какого проекта?

Менеджер сразу поправляется: руководителю направления. Андрей записывает время звонка.

Ответ приходит не от них. Через двадцать минут мне пишет Влад: «Не разговаривай с прессой. Ты сейчас только ухудшаешь ситуацию». Я показываю сообщение Андрею.

— Быстро, — замечает он.

— Даже слишком.

Я звоню мужу. Он сбрасывает, затем перезванивает сам — видимо, выходит из переговорной.

— Оля, я понимаю, что статья мерзкая. Мои люди готовят

опровержение.

— Твои люди уже подготовили статью.

— Не начинай. Сейчас все пытаются получить комментарий, служба коммуникаций собирает факты.

— Они позвонили Ларисе Гавриловне до публикации. Представились людьми, которые помогают семье. Она решила, что они от тебя.

На другом конце хлопает дверь. Влад отвечает тише:

— Я нанял кризисное агентство, потому что после завещания компанию надо защищать. Они обязаны понимать, что произошло в доме матери.

— И подсовывать журналистам версию, будто я держала её взаперти?

— Я такого поручения не давал. Но ты действительно решала, кого к ней пускать. Ты забирала телефон. Если дело дойдёт до суда, эти вопросы всё равно зададут.

— Поэтому ты решил задать их заранее — школьному чату нашей дочери?

Он выдыхает. Раньше этот звук означал: Оля опять говорит эмоциями, сейчас Влад терпеливо вернёт разговор к разумному. Сегодня я слышу только привычку управлять тем, как выглядит любая его подлость.

— Машу оставь в покое, — говорит Влад. — Я сохраняю компанию, пока твой Крылов учит тебя воевать. Мне эта публикация тоже поперёк горла.

— Правда? Через тридцать пять дней Громов будет вы-

бирать между тобой и женщиной, которую уже называют сиделкой с ключом от аптечки. Очень неудобная статья.

В трубке тихо. Слышно, как Влад стучит пальцами по какой-то поверхности. Я знаю этот ритм: три быстрых удара, пауза. Так он считает варианты, прежде чем ответить.

— Вечером поговорим. Вдвоём, без Крылова.

— Вечер освободи для Карины.

Я нажимаю отбой. Андрей просит переслать ему сообщения и запись разговора с сиделкой. Весь остаток дня телефон лежит рядом со мной, греется от зарядки и дёргается от уведомлений.

Агентство отвечает ближе к семи. Письмо на две трети состоит из оговорок: цитаты с ними не согласовывались, редакционная политика издания им не подконтрольна, сбор сведений проводился для оценки информационных рисков. В конце указан договор с «Соколова Групп». Строка «уполномоченное лицо заказчика» заполнена должностью: генеральный директор.

— Громову покажем? — спрашиваю я.

Андрей морщится, будто уже слышит ответ независимого директора.

— Покажем. Влад скажет, что готовил компанию к скандалу и агентство перестаралось. На снятие его с должности этого не хватит.

Я ставлю в календаре красный кружок на дате собрания. Тридцать пять дней. Любовница, будущий ребёнок и статья

делают Влада плохим мужем. Инвесторам нужен плохой генеральный директор. Значит, возвращаемся к Северному берегу и пустому месту между шестым и восьмым приложениями.

В восемь вечера звонят в дверь. Курьер сверяет паспорт, разворачивает экран для подписи и вручает плотный конверт. На обороте напечатано название суда.

Край не поддаётся, я вспарываю его ключом. Внутри четыре страницы. С первой попытки понимаю только фамилии. Потом взгляд цепляется за жирную строку внизу.

Иск Владислава Сергеевича Соколова принят к производству.

Глава 11. Она действительно путалась

Иск Владислава Сергеевича Соколова принят к производству.

Я перечитываю строку, пока буквы не начинают двоиться. Ниже назначена дата предварительного заседания и перечислены приложения. Медицинские документы Тамары занимают девятнадцать листов.

— Мам, кто там? — кричит Маша из комнаты.

Я складываю бумаги обратно в конверт.

— Курьер. Спи.

— Я не сплю.

— Тогда хотя бы лежи.

Дверь её комнаты приоткрывается. Маша выходит в моей старой футболке, видит конверт и сразу понимает, что я соврала не очень убедительно.

— От папы?

— Из суда.

Она подходит босиком, поджимая пальцы на холодном полу. Я успеваю убрать иск под определение, но на верхнем листе фамилия Влада набрана крупно.

— Он правда подал на тебя в день похорон?

— Раньше. Сегодня суд принял заявление.

Маша садится на пуфик в прихожей и закрывает лицо ладонями. Я опускаюсь рядом. Между нами стоит раскрытый конверт — острый край упирается мне в колено.

— Это из-за бабушки?

— Из-за завещания. Он считает, что она не понимала, что подписывает.

— Но понимала же.

Я открываю рот, чтобы ответить, и вижу перечень медицинских документов. Вчера я бы сказала «конечно». Сейчас это слово кажется обещанием, которое нельзя давать, пока не прочитала девятнадцать листов.

— Я тоже так считаю. Завтра разберёмся с врачами.

Маша долго смотрит на меня. Потом забирает с тумбы маркер и пишет на конверте жирное «ВЛАД», перечёркивая фамилию три раза.

— Чтобы не перепутала с нормальной почтой, — объясняет она и уходит к себе.

Утром Андрей приезжает вместе с адвокатом по наследству — Инной Борисовной, женщиной лет пятидесяти с короткой стрижкой и огромной сумкой. Из неё появляются цветные закладки, лупа, два зарядных устройства и контейнер с нарезанным яблоком.

— В суде попросим полный комплект доказательств, — говорит она, устраиваясь за кухонным столом. — Сейчас у нас копии. Хорошие копии, но Влад приложил только то, на что намерен ссылаться.

Я ставлю чайник. На столе, где раньше Маша делала уроки, раскладывают историю болезни Тамары. Даты, назначения, давление, температура, короткие записи дежурных врачей. Я узнаю недели по бытовым мелочам: в этот день привозили новое кресло, в этот Тамара отказалась от супа, тогда мы поссорились из-за соли.

Инна Борисовна наклеивает жёлтые закладки на смену обезболивания. Препарат заменили за двенадцать дней до завещания. Дозу повышали дважды.

— Здесь, — Андрей кладёт палец на строку.

Запись сделана дежурным врачом вечером: «После коррекции терапии заторможена, на вопросы отвечает с паузой. При пробуждении не сразу ориентировалась в месте нахождения». Ниже указано, что состояние наблюдали около сорока минут.

— Я этого не видела, — говорю я.

— Вас в тот вечер не было? — уточняет Инна Борисовна.

Я смотрю дату в телефоне. Мы с Машей ездили за платьем для школьного вечера. Влад обещал остаться с матерью, но потом написал, что вызвал сиделку.

— Меня не было до десяти. Когда вернулась, Тамара спала.

В следующей записи утром она ориентирована, отвечает ясно, жалуется на сухость во рту. Врач уменьшает дополнительную дозу. Через два дня — «состояние стабильное». Ещё через день Тамара проводит совещание по видеосвязи, об

этом упоминает сама в разговоре с врачом.

— Вот же: утром всё нормально. Значит, виновато лекарство и на этом закончилось.

Я жду согласия. Инна Борисовна вместо этого берёт дольку яблока, замечает мой взгляд и кладёт обратно.

— Мы сможем связать эпизод с изменённой дозой. Следующие записи нам помогают. Но в суде нельзя сказать, что спутанности вообще не было, — врач её зафиксировал.

— Влад рассказывал про постоянную.

Она придвигает ко мне иск и ногтем ведёт по строчке: «Повторяющиеся эпизоды дезориентации, известные близким». Слово «постоянно» осталось журналистам; у адвоката формулировка осторожнее и оттого неприятнее.

Я переворачиваю страницу. Тамара терпеть не могла больничный вид. После тяжёлой ночи всё равно подкрашивала губы перед врачом, халат прятала в шкаф и встречала его в брюках. Такой я её помню. Карта добавляет часы, которых я не видела, и я злюсь на бумагу за то, что она тоже права.

На следующем листе — запись невролога. Инна Борисовна пододвигает лупу, но я читаю без неё: «Со слов сына отмечался эпизод дезориентации: пациентка назвала домом прежний адрес, не узнала сотрудника семейного офиса».

— Какого сотрудника? — спрашиваю я.

Андрей проверяет календарь посещений. В тот день к Тамаре приезжал бухгалтер с документами и Влад. В журнале охраны больше никого.

— Бухгалтер работала с ней пятнадцать лет. Она не могла её не узнать.

— Запись сделана со слов сына, — напоминает Инна Борисовна. — Врач сам эпизод не наблюдал.

— Но записал.

— Обязан был записать жалобу родственника.

Я набираю бухгалтера. Та отвечает из метро, связь рвётся. Помнит визит хорошо: Тамара назвала её Леночкой вместо Алёны, тут же поправилась и выругалась на себя. Про прежний адрес женщина ничего не слышала. Влад разговаривал с врачом отдельно в коридоре.

— Леночкой её звали в первые годы, — вспоминаю я после звонка. — Она перепутала имя, которым называла её раньше.

— Это объяснение, — говорит Андрей. — Суд может принять его. Может решить иначе.

Мне не нравится его ровный голос.

— Почему вы не скажете прямо, что эта запись ничего не доказывает?

— Потому что она доказывает наличие сообщения врачу. А спор будет о том, насколько оно достоверно и что означало состояние Тамары в другие дни.

Я отодвигаю папку. Она ударяется о контейнер, крышка соскакивает, яблоки рассыпаются по столу. Одна долька падает на пол. Андрей наклоняется за ней, но Инна Борисовна велит оставить: потом выбросит.

— Скажите прямо. Вы считаете, что мы проиграем?

— Считаю, что вас будут ловить на уверенности, — отвечает она. — Давайте попробуем. Где вы находились, когда врач увидел спутанность?

— В магазине с Машей.

— Значит, о том вечере вы ничего не утверждаете. Когда видели Тамару в следующий раз?

— Утром. Она ругалась из-за каши и сама позвонила врачу.

— Вот это рассказываете. С запахом каши, с руганью, как помните. А запись называете настоящей, потому что она настоящая.

Мне хочется возразить, но спорить приходится с собственным отсутствием. Я наливаю чай. Он едва тёплый: чайник успел остыть, пока мы выясняли, какое имя Тамара дала бухгалтеру.

— И всё? — спрашиваю я.

— И проверяем каждую дату, — говорит Инна Борисовна, собирая яблоки обратно. Дольку с пола заворачивает в салфетку и суёт в карман сумки. — В таких делах «всё» занимает несколько томов.

Мы раскладываем хронологию на обычном тетрадном листе: новая доза, тяжёлый вечер, снижение препарата, нормальный разговор утром, рабочие звонки. Отдельным кружком обвожу нотариуса. В его копии сказано, что поведение Тамары сомнений не вызвало. Инна Борисовна тут же зака-

зывает оригинал и журнал действий.

— Когда именно подписано последнее завещание? — спрашиваю я.

Андрей называет дату, которую я видела на оглашении, но до сих пор не соотносила с лечением. Инна Борисовна кладёт рядом календарь и считает дни.

Между записью о спутанности после смены обезболивания и подписью Тамары прошло всего пять дней.

Глава 12. Мой развод

— Пять дней — это мало? — спрашиваю я, не отрываясь от календаря.

— Само по себе расстояние между датами ничего не решает, — отвечает Инна Борисовна. — Важно состояние именно в момент подписания. Но сторона Влада построит на близости событий понятную картину.

— Сначала сильное лекарство, потом завещание не в пользу сына.

— Именно.

Мне звонит незнакомый номер. Я жду очередного журналиста, но мужской голос представляется помощником Владова адвоката и уточняет, получила ли я иск. После моего «да» он спрашивает, когда можно забрать подписанное соглашение о разводе.

— Никогда, — отвечаю я.

— Простите?

— Передайте Владиславу Сергеевичу: его соглашение я не подпишу.

Я отключаюсь раньше, чем голос успевает стать вежливее. Папка с предложением лежит в нижнем ящике комода со дня похорон. Я достаю её и впервые читаю целиком, включая приложения мелким шрифтом.

Городская квартира остаётся мне. Машина — мне. Влад

берёт на себя расходы Маши до совершеннолетия и обучение в пределах суммы, которую определит сам. От взаимных требований по общему имуществу мы отказываемся. Акции и деловые активы закрепляются за ним. О наследстве Тамары в документе ни слова, зато есть широкий пункт обо всех будущих имущественных правах.

— Мне нужен другой адвокат, — говорю я.

Андрей собирает медицинские копии.

— Инна занимается наследством и корпоративным спором. По семье дам контакты трёх специалистов, выберете сами.

— Вы не пойдёте со мной?

Вопрос выскакивает раньше, чем я успеваю решить, хочу ли его задавать.

— Нет. Это ваш брак и ваши условия развода. Я могу передать документы, которые связаны с наследством, но не буду решать, что вам требовать у Влада.

Мне неловко от короткого укола разочарования. За последнюю неделю Андрей оказался рядом во всех комнатах, где мне сообщали новую беду. Я успела принять его присутствие за поручень. Он спокойно убирает руку, пока я ещё не оперлась всем весом.

— Правильно, — говорю я. — Пришлите контакты.

Из трёх адвокатов я выбираю женщину с самой маленькой фотографией на сайте. Елена Аркадьевна принимает меня вечером в кабинете над стоматологией. За стеной перио-

дически жужжит бормашина, на подоконнике растёт кривой лимон.

Она читает соглашение дважды. Возле пункта о квартире делает галочку.

— Когда она куплена?

— Двенадцать лет назад.

— В браке?

— Да. Но оформлена на Влада.

Елена Аркадьевна поворачивает документ ко мне.

— Тогда он не «оставляет» вам квартиру. Если не было брачного договора и деньги не подарила ему лично мать, это общее имущество. По базовому правилу у вас уже есть право на половину.

Я перечитываю фразу «Владислав Сергеевич передаёт Ольге Владиславовне» и вспоминаю его голос у кладбища: квартира, машина, всё достойно. Он предлагал мне благодарить за мою же половину.

— А машина?

— Куплена когда?

— Четыре года назад.

— Та же история. Кроме того, надо смотреть счета, недвижимость, доли, обязательства. Его двадцать процентов акций появились до брака или во время?

— Мать передала ему пакет через два года после свадьбы.

— Дарение, покупка, сделка с условием? Не угадываем, заказываем документы.

Она говорит без сочувственного наклона головы и не делает пауз после слова «муж». Мне это нравится. Я рассказываю про Карину, беременность, иск, статью. Только факты, хотя на словах «три года» голос всё равно срывается.

— Чего вы хотите от развода? — спрашивает Елена Аркадьевна.

— Чтобы он закончился.

— Это желание. Мне нужны требования.

Я смотрю на кривой лимон. На одной ветке висят два маленьких зелёных плода, ствол привязан к деревянной палочке бинтом.

— Не хочу отдать ему то, что принадлежит мне, только ради скорости. Не хочу торговать Машей. И не хочу, чтобы в документах выглядело, будто он меня обеспечил из великодушия.

— Уже лучше.

Мы заводим список: счета, квартира, машина, Владовы акции, текущие расходы Маши. Имущество можно делить отдельно — иначе одна оценка активов растянет развод на месяцы. Заявление о расторжении брака ничто не мешает отправить сегодня.

— Отправляем, — решаю я.

Елена Аркадьевна перестаёт печатать.

— Ночь на подумать нужна?

Обычно я попросила бы две. Перечитала соглашение, вспомнила поездку в Прагу на десятую годовщину, испуга-

лась Машиных слёз. Но Маша уже взяла маркер и трижды перечеркнула отцовскую фамилию на судебном конверте.

— Не нужна.

Адвокат поворачивает ко мне монитор. Мы заполняем графы: адрес, дата брака, данные дочери. Компьютер ругается на лишний пробел в номере свидетельства. Потом зависает кнопка, и Елена Аркадьевна сердито обновляет страницу. Такой бытовой, кривой процесс совсем не похож на конец семнадцати лет.

Для отправки приходит код. Я успеваю один раз набрать его неправильно, стираю цифры и ввожу снова. На экране появляется зелёная отметка.

В коридоре стоматологии женщина держит у щеки пакет со льдом и говорит кому-то по телефону, что больше никогда не станет лечить зубы. Я сажусь подальше и пишу Маше: «Подала на развод. Дома всё расскажу. Люблю тебя».

Сначала приходит сердце. Через минуту — «Наконец-то». Второе сообщение я читаю дольше первого.

Андрей звонит, когда я выхожу на улицу.

— Есть новости по медицине. В банковской выписке Тамары указан вход в защищённую видеоконференцию утром в день завещания. Сессия длилась час сорок семь.

— С кем она говорила?

— Банк пока не раскрывает состав участников. Инна направляет запрос через нотариуса и просит сохранить запись, если она велась.

Ветер выворачивает зонт у женщины впереди. Я прижимаю телефон плечом и застёгиваю пальто.

— Если она почти два часа обсуждала деньги, это докажет, что она была в порядке?

— Поможет понять её состояние утром. Докажет или нет — зависит от записи и содержания.

— Опять честный ответ.

— Других у меня для вас нет.

Я улыбаюсь впервые за день. Не потому, что стало легче. Просто слышу знакомую фразу и больше не злюсь.

— Я подала на развод, — говорю я.

В трубке короткая пауза.

— Вы сами решили?

— Сама. И со своим адвокатом.

— Хорошо.

Ни поздравления, ни вопроса о деньгах. Он сразу возвращается к банковской записи, называет сроки ответа. Именно этого я от него и хотела, хотя не знала до этой минуты.

Дома Маша встречает меня в прихожей. Несколько секунд мы обе не знаем, обнимать друг друга или говорить. Потом она забирает мокрое пальто и вешает на крючок.

— Я не рада, что вы разводитесь, — произносит она, разглаживая рукав. — Я рада, что он больше не решает за тебя.

Мы заказываем пиццу. Я рассказываю ей о заявлении, не обсуждая детали имущества. Маша просит оставить квартиру, потому что отсюда удобно ездить в школу, и тут же сер-

дится на себя за практичность. Я обещаю, что никто не заставит её переезжать завтра.

Влад звонит в половине одиннадцатого. Я не отвечаю. Следом приходит сообщение: «Что ты устроила?» Потом второе: «Отзови заявление, поговорим без чужих адвокатов».

Я кладу телефон экраном вниз. Через минуту Елена Аркадьевна присылает подтверждение доставки уведомления второй стороне.

Влад получил заявление о разводе.

Глава 13. Тот день

Влад получил заявление о разводе.

Он звонит ещё дважды, потом замолкает. Я жду, что тишина продлится до утра, но в полночь на почту приходит письмо от его адвоката. В теме — номер наследственного дела. В приложении ходатайство о назначении посмертной психолого-психиатрической экспертизы.

Я читаю первые две страницы и закрываю ноутбук. Сегодня я уже закончила один брак. Разбирать сознание мёртвой женщины по часам буду при дневном свете.

Утром Андрей встречает меня в семейном офисе. На стене переговорной висит белая доска. Инна Борисовна прикрепила к ней распечатанный календарь и провела посередине красную линию — день завещания.

— Банк ответил, — говорит она. — Запись сохранена. До определения суда или согласия правопреемника содержание не выдадут, но подтвердили участников и время.

Девять часов пять минут — начало конференции. Десять пятьдесят две — окончание. Кроме Тамары, в разговоре участвовали её персональный менеджер, специалист инвестиционного отдела и сотрудник внутреннего контроля. Тема указана сухо: ребалансировка портфеля, продление депозитов, полномочия по двум счетам.

— Почти два часа, — говорю я. — Если она обсуждала

портфель, значит, понимала, что делает.

— Скорее всего, — отвечает Андрей. — Запись покажет, насколько активно она участвовала и не вёл ли разговор кто-то вместо неё.

— Я не участвовала. В девять отвезла Машу в школу, потом была в аптеке.

Инна Борисовна ставит возле утреннего блока зелёную точку. Рядом записывает мои перемещения и просит выписку с карты за аптеку. Мне хочется спросить, не слишком ли это унизительно — доказывать, что я покупала пластыри, а не диктовала Тамаре завещание. Но именно из таких мелочей Влад собирает свою версию, значит, нам придётся собрать мою.

В одиннадцать Тамара звонила водителю. Он привёз её к нотариусу к часу дня. Я знала, что она едет по делам, но не спрашивала куда. В семейном календаре встреча называлась «личная».

— Почему нотариус не приехал к ней домой? — спрашиваю я.

— Тамара настояла на кабинете, — отвечает Инна Борисовна. — В его объяснении так и написано. Сказала, что дома слишком много ушей.

Я почти слышу её голос. Слишком много ушей — это про домработницу, сиделку, охрану и меня. Возможно, про меня в первую очередь.

В тринадцать двадцать нотариус беседовал с ней без по-

сторонних. Секретарь принесла чай, потом забрала нетронутую чашку. В четырнадцать десять завещание подписано. Тамара прочла текст сама, задала два вопроса о сроке полномочий исполнителя и порядке голосования пакетом до выдачи свидетельства о наследстве.

— Это есть в протоколе? — Я перечитываю строку.

— В письменных пояснениях нотариуса. Влад будет говорить, что вопросы могли быть подготовлены заранее. Но для нас они полезны: оба касаются последствий документа.

В четырнадцать сорок водитель отвёз Тамару домой. По его словам, в машине она ругалась на пробки и назначала кому-то встречу на следующую неделю. В пятнадцать двенадцать отправила с телефона три сообщения финансовому директору. Одно из них сохранилось: «Таблицу по Северному берегу переделать. Землю отдельно от будущих вложений партнёра».

Я смотрю на Андрея.

— Она и тогда проверяла проект.

— Проверяла. Аудиторам уже передали сообщение.

До шести вечера всё выглядит ровно. Рабочие письма, звонок Маше, заказ продуктов через приложение. Потом Тамара жалуется на боль. Лариса Гавриловна даёт назначенную дополнительную дозу препарата и вызывает врача.

Инна Борисовна прикрепляет к доске копию вечерней записи. Время — девятнадцать сорок.

«Пациентка утомлена, эмоционально лабильна. В начале

осмотра неверно назвала день недели, после подсказки исправилась. Дважды задала вопрос о времени приёма утреннего препарата. Жалобы на усиление боли».

Я чувствую, как зелёные точки утра тускнеют перед одной чёрной строчкой.

— Утром она ничего не путала, — говорю я.

— Мы этого пока не слышали, — поправляет Андрей. — Есть длительность банковского разговора и действия после него. Это сильные признаки, но запись важнее.

— Нотариус с ней беседовал.

— И не увидел оснований отказать. Это тоже важно.

— Тогда почему вы говорите так, будто вечером отменяет день?

Он берёт со стола маркер, закрывает колпачок, снова кладёт. Инна Борисовна делает вид, что проверяет приложения.

— Потому что эксперт увидит всю карту, — отвечает Андрей. — Эпизод после смены препарата, сведения Влада, вечернюю запись, близость дат. И записи о стабилизации, работу с банком, нотариуса, сообщения. Вывод может оказаться уверенным в любую сторону. А может быть вероятностным.

— «Не исключено, что не понимала»?

— Формулировки бывают разными. Неоднозначное заключение даст суду больше пространства оценивать остальные доказательства.

Я подхожу к окну. Внизу курьер тащит коробки от маши-

ны к подъезду, ставит одну на мокрый асфальт, ругается и вытирает дно рукавом. Обычное утро. На стене за спиной чужими цветами размечен день, который Тамара прожила и никому не объяснила.

До сих пор завещание казалось фактом. Невероятным, тяжёлым, меняющим всё, но уже случившимся. Я боялась Влада, статьи, компании, ответственности. Не думала по-настоящему, что дом, акции и последняя воля Тамары могут исчезнуть из моей жизни по решению человека, который никогда её не видел.

— Хорошо. Суд решает, что подпись ничего не стоит. Дальше?

Инна Борисовна просит меня сесть. Я не сажусь, и она отвечает, задрав голову:

— Тогда ищут более раннее действующее завещание. Если его нет, наследуют по закону. Насколько мы знаем семейную ситуацию, первым будет Влад.

— Дом, помещения, портфель, пятьдесят пять процентов?

— Весь состав наследства.

На оглашении Влад сказал: «Мама хотела оставить это мне». Я приняла его уверенность за привычную наглость. Теперь вспоминаю, как он потребовал перечитать документ, словно услышал невозможную ошибку. Может быть, он знал бумагу, к которой дело вернётся после отмены новой.

— Запрос о прежних завещаниях ушёл?

Андрей кивает: нотариус пока не ответил.

— Вы сами когда-нибудь видели старое?

— Нет. Я слышал о нём от Влада после оглашения. В том документе меня исполнителем не назначали — если назначали вообще кого-то.

Я собираюсь спросить, можно ли узнать дату, но телефон ползёт по столу от вибрации. Сообщение Влада: «Нам надо встретиться. Сегодня. Без Карины, Крылова и адвокатов».

Показываю экран Андрею.

— Пойдёте? — спрашивает он.

— Наверное.

Андрей не отговаривает. Берёт мою ручку и записывает на краю календаря три слова: людное место, адрес, без подписи. Последнее подчёркивает.

— Я не ребёнок.

— Конечно. Поэтому сможете сами выбрать кафе и сообщить мне, где оно.

— А зачем я иду, тоже знаете?

Он возвращает ручку.

— Хотите услышать предложение его голосом. На бумаге всё выглядит приличнее.

Телефон снова вздрагивает. Влад дописывает: «У меня последнее разумное предложение. После него дороги назад не будет».

Глава 14. Оставь себе миллионы

Я отвечаю на второе сообщение: «Шесть вечера, кафе на набережной. Один час». Влад присылает короткое «хорошо», будто встречу назначил он.

До шести успеваю забрать Машу. Возле школы её ждёт Лиза, девочка из того самого чата. Они обнимаются, расходятся, возвращаются друг к другу и ещё о чём-то шепчутся. Маша садится в машину и десять минут рассказывает про проваленную контрольную. Я слушаю про геометрию. Отцу, статье и будущему ребёнку сегодня придётся постоять в очереди.

У дома я глушу двигатель и предупреждаю:

— Поеду к папе. Он хочет предложить мировую. В восемь буду дома.

Маша сразу спрашивает, поедет ли адвокат. Услышав «нет», сжимает лямку рюкзака.

— В кафе полно людей, адрес у Андрея. Я должна сама услышать, чего хочет твой отец.

Маша теребит молнию рюкзака.

— Если начнёт на тебя орать, уйди.

— Уйду.

— Сразу, мам. Не после того, как объяснишь ему, почему он неправильно орёт.

Я обещаю. Она выходит, затем возвращается к окну и сту-

чит костяшкой по стеклу.

— И ничего не подписывай.

— Вы с Андреем сговорились?

— Значит, он не совсем бесполезный.

Влад уже в кафе. Выбрал стол в глубине, хотя я просила общественное место, и заказал мне чёрный чай с лимоном. Семнадцать лет он помнит один мой вкус и не замечает, что последние пять лет я пью зелёный.

На соседнем стуле лежит тонкая кожаная папка.

— Карина не придёт? — спрашиваю я, снимая пальто.

— Я же написал: без неё.

— Ты много чего писал.

Он поджимает губы, но пропускает колкость. Выглядит уставшим: под глазами тени, ворот рубашки тесный. Раньше я непременно спросила бы, ел ли он. Привычка поднимается и тут же опадает, не найдя места.

— Я не хочу уничтожать тебя в суде, — начинает Влад.

— Удобно. Иск уже там, статья в интернете, а уничтожать ты ещё не начал.

— Статья была ошибкой агентства. Я расторгну с ними договор.

— После того как они сделали работу.

— Оля, мы можем час бросаться обвинениями. Потом разойдёмся и потратим годы на суды. Или решим вопрос сейчас.

Он достаёт из папки три листа. Не подвигает ко мне сра-

зу, кладёт возле своей чашки, будто даёт привыкнуть к их существованию.

— Я отзываю иск об оспаривании завещания. Подтверждаю, что не имею претензий к твоему участию в уходе за мамой. Мы разводимся на условиях, которые подготовят наши адвокаты.

— А я?

— После оформления наследства передаёшь мне пакет акций. Все пятьдесят пять процентов.

Я жду продолжения. Влад переворачивает второй лист.

— Дом мамы остаётся тебе. Оба коммерческих помещения тоже. Инвестиционный портфель — полностью, за исключением налогов и расходов на оформление. Городскую квартиру можешь оставить, с машиной вопрос закроем отдельно. Обучение Маши я оплачиваю сверх её капитала.

Цифры внизу напечатаны крупнее остального. Даже приблизительная стоимость того, что он предлагает мне сохранить, больше, чем я способна потратить за всю жизнь. Аренда двух помещений обеспечит доход, портфель — независимость, загородный дом можно продать или жить там. Мне не придётся возвращаться в компанию, учить сокращения, собирать четвёртый голос, разыскивать приложение. Не придётся доказывать, что Тамара знала день недели.

Я стану очень богатой женщиной. Свободной от Влада, его бизнеса и материнской войны.

— Щедро, — говорю я.

Он расслабляет плечи, услышав знакомый тон. Так я говорила, когда уступала: без радости, но уже считая практические плюсы.

— Это справедливо. Мама обеспечила тебя сверх всякой меры, я готов с этим не спорить. Мне нужна компания. Тебе она принесёт только проблемы.

— Ты уже предлагал мне квартиру, которая наполовину моя.

Лицо у него меняется едва заметно.

— Твой адвокат драматизирует. Раздел общего имущества — отдельный вопрос. Я не собираюсь выгонять тебя на улицу.

— Как великодушно.

— Перестань цепляться к словам. Посмотри на итог. Ты свободна, обеспечена, Маша защищена. Я сохраняю дело, которым занимаюсь всю жизнь. Никто не проигрывает.

Официантка приносит чёрный чай. Я прошу заменить его зелёным. Влад дёргается — сейчас скажет, что можно выпить этот, — но сдерживается. Чашка с ломтиком лимона уезжает.

— Ты когда решил торговаться? — спрашиваю я. — Сегодня только распечатал или сегодня придумал?

— После твоего заявления стало окончательно понятно, что обычного разговора не будет. Ты выбираешь эмоции и чужих адвокатов.

Любовница, ребёнок, иск, развод возле кладбища — всё

это он складывает на мою чашу весов под словом «эмоции». Я даже не спорю.

— Разберём механику. Ты отзываешь иск сразу. Я получаю наследство через полгода и отдаю пакет тебе. Что происходит с голосованием до этого?

Влад разворачивает третий лист и указывает пункт ручкой. Андрей обязан голосовать согласованно, нынешний совет сохраняется, крупные сделки не блокируются. Отдельно назван Северный берег.

— Значит, тебе мало получить акции потом. Ты хочешь управлять пакетом уже сейчас.

— Компании нельзя полгода жить под угрозой твоих внезапных решений.

— Моих или Тамариных? Приложение семь нашли?

Влад зачем-то размешивает пустой кофе. Ложка звякает о фарфор.

— Идёт проверка архива. Скорее всего, сбилась нумерация.

— Ни ваши юристы, ни девелопер не прислали документ.

— С чего ты взяла, что у девелопера его нет?

— С того, что он промолчал в ответ на общий запрос.

Ложка ударяется о стенку чашки. Один раз, второй. Влад кладёт её на блюдце.

— Крылов использует тебя, чтобы остановить сделку, которую мама сама одобрила. Когда проект сорвётся и компания потеряет деньги, он уйдёт к следующему клиенту. Рас-

плачиваться будешь ты.

— Поэтому отдай тебе акции и останься с миллионами.

— Да. Именно. — Он придвигает листы. — Любой нормальный человек согласился бы.

Я кладу ладонь на верхний, но не беру. В цифрах действительно есть соблазн. Можно закрыть папку, вернуться домой, сказать Маше, что судов не будет. Купить себе тишину. Только цена названа неверно. Влад просит не акции. Он просит моё согласие считать последнюю волю Тамары случайностью, которую разумные люди исправят между собой.

— Почему тебе так нужны именно акции?

— Я объяснил. Недвижимость и деньги твои, операционный бизнес мой.

— Почему твой?

Он откидывается на спинку стула.

— Потому что компания всегда была моей.

— Она была твоей матери.

Впервые за весь разговор Влад раздражается открыто. Кожа на скулах краснеет, голос становится громче, и женщина за соседним столом оборачивается.

— Мать давно отошла от дел. Я двадцать лет строил холдинг, вытаскивал объекты из убытков, находил инвесторов. Ты ушла, как только стало трудно совмещать работу с ребёнком. Не рассказывай мне теперь, чья это компания.

— Тогда докажи инвесторам, что без тебя она рухнет. Зачем покупать у меня согласие?

— Я ничего у тебя не покупаю. Я оставляю тебе миллионы, на которые ты не заработала.

Фраза падает между нами и остаётся лежать. Влад понимает, что сказал, но не извиняется.

Я аккуратно выравниваю три листа и возвращаю папку на его сторону.

— Нет.

— Ты даже не посоветуешься с адвокатом?

— Посоветуюсь. Об условиях раздела нашего имущества. Акции Тамара оставила мне, и твоё разрешение здесь не требуется.

Я встаю. Он тоже поднимается, задевая коленом стол. Кофе выплёскивается на блюдце.

— Думаешь, она выбрала тебя потому, что внезапно увидела великого управленца? — бросает Влад. — Крылов красиво подал её последние слова, а ты поверила.

— Я поверила ей.

— Тогда спроси Крылова, кому она оставляла всё раньше.

Глава 15. Первое завещание

— Какому ещё «раньше»?

Влад уже берёт папку, но я прижимаю её к столу ладонью. Кожа под пальцами тёплая от его рук. Он смотрит на меня сверху вниз, и женщина за соседним столом опять косится в нашу сторону: мы оба стоим, стул Влада сдвинут, на белом блюдце расползается кофейная лужица.

— Убери руку, Оля.

— Сначала договори, — требую я. — Ты утверждаешь, что видел другое завещание?

Он перестаёт тянуть папку. Несколько секунд мы держим её вдвоём, потом Влад первым ослабляет пальцы.

— Я утверждаю, что мать годами собиралась оставить компанию мне. И не только компанию. Крылов наверняка не спешил сообщить эту мелочь.

— Андрей не видел старого документа, — напоминаю я.

— Он так сказал? — Влад едва заметно улыбается.

Вопрос звучит почти мягко. Я узнаю эту интонацию: Влад использует её, когда хочет, чтобы человек сам засомневался в собственных словах. В семейной жизни она работала безотказно. Я отпускаю папку, и он сразу прижимает её к боку.

— Ты видел документ? — повторяю я.

— Я был у нотариуса вместе с мамой. Три года назад. Она сама сказала, что всё устроила и мне больше не нужно бес-

покоиться о преемственности.

— Текст ты читал? — перебиваю я.

Влад накидывает пальто, не попадая рукой в рукав с первого раза. Эта маленькая заминка выдаёт его лучше любого ответа.

— Достаточно, чтобы понимать, чего она хотела до того, как возле неё поселились нужные люди.

— Назови нотариуса, — требую я.

— Пусть Крылов работает, раз ему так нравится распоряжаться нашей семьёй, — бросает Влад.

Он уходит, оставляя на столе деньги за два кофе и мой нетронутый зелёный чай. Дверь кафе выпускает в зал холодный воздух, пахнущий рекой. Я сажусь обратно, потому что колени вдруг становятся ненадёжными, и набираю Андрея.

Он отвечает на втором гудке:

— Вы уже закончили?

— Влад сказал, что раньше Тамара оставляла всё ему, — отвечаю я. — Не только акции. Всё. И что вы об этом знаете.

На другом конце слышен шелест бумаги, затем Андрей закрывает ящик или папку. Он не спрашивает, где я и насколько расстроена. Сразу отделяет то, что знает, от того, чего не знает.

— Тамара Андреевна однажды упомянула старое завещание, — отвечает Андрей. — Именно упомянула, Ольга. Я не видел ни текста, ни реестровой записи. Тогда у неё был другой исполнитель.

Я отхлёбываю чай и обжигаю язык. Официантка принесла его вовремя, а я даже пакетик не вынула: в чашке уже плавает тёмная горькая тряпочка.

— Вы могли сказать хотя бы это.

— Мог. — Он вздыхает в трубку, и где-то рядом с ним хлопает дверь. — А вы бы провели ночь, представляя документ, которого, возможно, давно нет. После первых угроз Влада я отправил запрос, но ответа ещё не получил.

— Очень заботливо.

— Нет. Просто осторожно. И, похоже, не вовремя, — признаёт Андрей.

Он не пытается отшутиться или убедить меня, что поступил правильно. От этого злиться неудобно, но я всё равно злюсь: на него, на Влада, на Тамару, которая почему-то решила, что мёртвой объясняться проще.

— Три года назад, — говорю я. — Влад назвал срок и уверяет, что ездил к нотариусу вместе с ней.

— Вот это уже годится для поиска. Запишите его слова, пока помните. Даже мелочи: сказал он, что читал завещание, или только слышал о нём от матери.

Я дважды промахиваюсь мимо нужной буквы в телефоне и сдаюсь.

— Скажите ртом. Если новый документ отменят, старый снова станет главным?

Андрей закрывает папку, придерживая пальцем нужную страницу.

— У наследства нет кнопки «назад». Суд проверит, существовало ли старое завещание, не отменялось ли оно и правильно ли оформлено. Только тогда — да, оно может сработать.

— Умеете вы успокоить.

— А вы поверили бы другому ответу?

Не поверила бы. Это особенно раздражает.

Дома Маша решает геометрию в моей старой кофте. На полях тетради вместо чертежа — три сердитых чайника. Услышав ключи, она даже не здоровается:

— Ничего не подписала?

— Нет.

Дочь выдыхает, но моего односложного ответа ей мало. Она захлопывает тетрадь прямо на ручке; та хрустит, и мы обе замираем.

— Цела, — проверяет Маша. — Так что он сказал?

Она освобождает мне половину стола. Я ставлю чайник, хотя пить не хочу, и ковыряю ногтем известковую полоску на носике. Тамара ворчала бы, что мы запустили кухню.

— Оказывается, раньше бабушка завещала имущество папе. Андрей сейчас проверяет, правда ли.

— Ну и пусть раньше. — Маша подтягивает колени к подбородку, отчего моя кофта собирается на ней складками. — Передумать же не запрещено.

— Папа утверждает, что бабушка сама ничего не решала.

Она сразу перестаёт качать ногой.

— А ты ему веришь?

— Я видела Тамару в те дни, — напоминаю я. — Она понимала, что делает. Но плохая запись в медкарте тоже есть, мы с тобой это уже знаем.

— Вот именно: запись. Одна. — Маша сердито вытаскивает ручку из тетради, колпачок отлетает под стол. — А папа уже всем рассказал про таблетки, телефон и то, как его не пускали. Про то, зачем бабушка просила убрать телефон, он молчит.

Я лезу за колпачком. Под столом липнет к носку засохшая капля сока; утром я её не заметила, хотя дважды мыла пол. Обычные дела тоже начали получаться кое-как.

— Завтра мы узнаем, существовал ли документ. До этого не будем достраивать историю за всех.

— Ты всё равно не отдашь ему акции? — Маша смотрит на меня исподлобья.

Маша задаёт вопрос быстро и уже жалеет: отводит глаза к тёмному окну. Я кладу колпачок рядом с её ладонью.

— Сегодня я отказалась. Что будет дальше, решу, когда увижу факты. И это решение не должно становиться твоей обязанностью.

— А если я хочу, чтобы ты не отдавала? — упрямо спрашивает она.

— Тогда можешь хотеть, — разрешаю я. — Только не обязана воевать с папой вместе со мной.

Она кивает неохотно. Через минуту снова открывает тет-

радь и просит проверить задачу, хотя математика всегда давалась ей лучше, чем мне. Мы сидим рядом, спорим из-за высоты в равнобедренном треугольнике, и почти полчаса телефон молчит.

Сообщение Андрея приходит, когда я уже собираюсь ложиться.

«Архив подтвердил регистрационную запись. Три года назад. Нотариус — Белова. Завещатель — Тамара Соколова. Остальное утром».

Я перечитываю четыре строки в коридоре, прислонившись плечом к стене. Влад не придумал документ. Три года он жил с уверенностью, что однажды получит материнский пакет, дом, возможно, всё остальное. Его сегодняшнее «компания всегда была моей» впервые получает основание, которое существовало ещё до суда и Карины.

Утром Андрей встречает меня в семейном офисе. На подоконнике остывает его кофе, а на столе лежит одна страница с нотариальной выпиской. За окном дворник соскребает мокрый снег с края парковки, скребок неприятно визжит по асфальту.

— Полного текста здесь нет, — предупреждает Андрей, когда я тянусь к листу. — Только сведения, которые архив вправе был подтвердить на первом этапе.

Я читаю дату. Почти ровно три года назад. Имя Влада стоит в графе основного наследника; состав имущества указан общей формулировкой, без перечня объектов.

— Значит, он правда был наследником.

— Основным, — уточняет Андрей. — В каком объёме, узнаем из копии.

— Тамара собиралась передать ему компанию, а потом за сорок три дня до смерти переписала всё на меня. Суд увидит ровно это.

— Суд увидит два решения одного человека, принятые в разные годы, — возражает Андрей. — Влад будет настаивать, что первое отражает её устойчивую волю, а второе возникло из-за болезни и вашего влияния.

Я возвращаю страницу на стол, стараясь положить её ровно. Край всё равно цепляется за папку и загибается.

— А мы должны объяснить, почему она изменила решение.

— Мы должны подтвердить её способность принять новое решение, — поправляет Андрей. — Причину тоже ищем, но она не заменит медицинские и нотариальные доказательства.

Андрей садится напротив и поворачивает ко мне монитор. В почте открыта короткая переписка с нотариальной палатой. Я замечаю время первого запроса: он отправлен вчера, до встречи с Владом.

— Значит, вы действительно уже проверяли.

— Инна Борисовна настояла, чтобы мы не ждали, пока противоположная сторона приложит документ к делу на своих условиях, — объясняет Андрей.

— И теперь? — Я киваю на экран.

Андрей берёт со стола телефон. Экран загорается новым письмом, и он читает его молча. По его лицу невозможно угадать, плохая там новость или просто очередное требование оплатить пошлину.

— Теперь ждать недолго, — говорит он и разворачивает телефон ко мне. — Получение заверенной копии уже оформлено.

Глава 16. Сорок три дня

Заверенную копию обещают выдать не раньше завтрашнего дня, но я не ухожу. Если три года назад Тамара считала Влада естественным преемником, между двумя завещаниями должно было произойти что-то достаточно серьёзное. На стене за Андреем тикают часы, и каждый щелчок отмеряет ещё одну причину, которой у нас пока нет.

— Покажите последнее завещание, — прошу я. — Дату я помню. Хочу увидеть рядом с остальными событиями.

Он достаёт рабочую копию, но не подаёт мне отдельным листом. Кладёт в прозрачной папке, предупреждая, что оригинал хранится у нотариуса и ездить по столам не будет. Внизу стоит дата: сорок три дня до смерти Тамары.

— У вас есть хронология «Северного берега»? Не то, что мы уже читали. Всё: письма, доступы, встречи.

— Аудиторы собирают её, — предупреждает Андрей. — Полностью пока нет.

— Тогда дайте неполную, — настаиваю я.

Андрей смотрит на меня поверх монитора. Раньше такой взгляд заставил бы меня оправдываться: я не специалист, не собираюсь мешать, только одним глазком. Сегодня я просто жду.

— Хорошо, — решает он. — Но рядом со мной. В материалах есть коммерческие сведения и персональные данные

сотрудников.

В маленькой переговорной кто-то забыл коробку с двумя заветрившимися кусками пиццы. Андрей морщится, ставит её за дверь и открывает таблицу на большом экране. Я достаю письмо Тамары. Бумага уже мягкая на сгибах, особенно возле строчки про «Северный берег».

— Вы его с собой носите? — спрашивает Андрей.

— Боюсь оставить дома. Глупо, знаю.

— Пока не потеряли — не глупо.

В таблице события начинаются за несколько месяцев до больницы. Тамара просит финансовую модель, через два дня возвращает замечания, потом требует отдельно посчитать землю. Почти неделю — ничего. Следом короткое письмо: «Перечень приложений прошу дать полностью, с датами последних редакций».

— Но сам проект ей нравился, — напоминаю я. — Влад на этом строит половину защиты.

Андрей увеличивает три строки, потому что я щурюсь на экран.

— Концепцию Тамара Андреевна одобрила. Потом появились условия, которых в концепции не было.

Он открывает её письма. В первом Тамара спрашивает, почему землю холдинга оценивают сейчас, а деньги партнёра — по будущей стоимости. Во втором требует показать, что станет с долями при задержке финансирования. Третье короче остальных: «Подрядчик до тендера выбран?»

— И ей ответили?

— На первые два — страницами расчётов. На последнее Влад написал: «Нет, мама».

Я узнаю манеру Тамары. Ни одного обвинения, только вопросы, после которых человеку приходилось либо приносить цифры, либо признаваться, что цифр у него нет.

— Это уже приложение семь?

— Пока неизвестно, — отвечает Андрей. — Ссылки на номера в этих письмах нет.

В дверях появляется Инна Борисовна с ноутбуком под мышкой. Сегодня на ней ярко-синий жакет, совершенно не подходящий к недосыпу на лице.

— Вы начали без меня, — замечает она и ставит ноутбук рядом с моим письмом. — Прекрасно. Значит, мне не придётся объяснять, почему объяснения ничего не доказывают.

— Я как раз собиралась попросить вас испортить нам надежду, — отвечаю я.

Она впервые за утро улыбается, но сразу становится серьёзной.

— В суде меня спросят, что делала Тамара Андреевна, а не что, по-вашему, она чувствовала, — говорит Инна Борисовна. — Запрашивала документы до завещания? Отлично. Продолжила после? Ещё лучше. А принесёте один файл без содержимого — Владов адвокат съест нас на завтрак.

Она снимает пиджак, замечает на рукаве крошку и щелчком отправляет её в сторону коробки за дверью.

Андрей показывает дату за сорок пять дней до смерти. Тамаре открыли дополнительную проектную папку по заявке Нины из договорного отдела.

— Той самой Нины, которая ушла в отпуск? — Я придвигаюсь ближе. На экране мелкий шрифт, а очки остались дома.

— Она, — подтверждает Андрей. — В акте написано: «дополненные расчёты и проектные материалы». Без перечня.

Я ставлю палец под следующей датой.

— Через два дня — нотариус.

— И ничего больше, — отрезает Инна Борисовна. — Не влюбляйтесь в красивое совпадение. Влад скажет, что мать ежедневно открывала десятки рабочих папок, а завещание вы просили переписать за завтраком.

— Мы с Тамарой даже не завтракали вместе в тот день.

— Суд этого пока не знает, — парирует Инна Борисовна. — Нина может помнить, что было в папке.

Андрей проверяет календарь и недовольно проводит большим пальцем по краю телефона.

— Она вернётся через четыре дня. Аудиторы уже назначили беседу и попросили её ни с кем не обсуждать проект.

Мне не нравится ещё одно ожидание. За последние дни моя жизнь стала коридором из закрытых дверей: архив, банк, экспертиза, аудит, суд. Возле каждой нужно сидеть и надеяться, что первым не войдёт Влад.

Я снова смотрю на дату доступа.

— Кто выдал Тамаре права на папку?

— Системный администратор по заявке Нины, — отвечает Андрей.

— Значит, в системе должен остаться журнал, — решаю я. — Даже если перечня в акте нет.

Андрей не отвечает сразу. Поворачивается к своему ноутбуку и пишет аудитору. Инна Борисовна следит за ним, потом переводит взгляд на меня.

— Вы работали с внутренними системами?

— Когда-то я сама придумывала, как учитывать бельё и продукты в двух первых объектах, — напоминаю я. — Тогда нашей внутренней системой была таблица, которую Влад каждый месяц случайно ломал. Но я помню главное: если человек что-то открывает, кто-нибудь потом обязательно спрашивает, зачем у него был доступ.

Ответ аудитора приходит через десять минут. Журнал сохранился, но выгрузка занимает время: архивная система записывает события отдельно, часть названий повреждена после переноса сервера. Андрей предлагает сделать перерыв, однако я прошу переслать мне список уже установленных дат без закрытых данных.

— Хочу собрать свою шкалу, — объясняю я. — Чтобы не ждать готового вывода и снова не услышать важное от Влада.

Он кивает и отправляет файл. Эта уступка кажется маленькой, но раньше Андрей сам решал, какую часть материала мне стоит видеть. Теперь не защищает от работы, если я

готова отвечать за неё.

Дома я освобождаю половину обеденного стола. С одной стороны кладу медицинскую хронологию, с другой — проектную. Маша делает уроки напротив и время от времени переворачивает листы, которые норовят съехать на пол.

— Сорок пять дней, — бормочет она, читая мои подписи вверх ногами. — А это что?

— Тамара получила дополнительные материалы проекта. Через два дня подписала завещание.

— То есть увидела что-то и передумала? — Маша тянется за моим карандашом.

— Возможно, — отвечаю я. — Инна Борисовна велела не выдавать совпадение за доказательство.

Маша рисует стрелку на черновике и тут же зачеркивает её.

— Папа тоже знал, что бабушка получила эти документы?

— Наверняка знал, что она проверяет проект, — говорю я. — О конкретной папке я пока не знаю.

Она хочет спросить ещё что-то, но на экране её телефона появляется имя отца. Маша переворачивает телефон дисплеем вниз так быстро, что чашка звякает о блюдце.

— Можешь ответить, — говорю я. — Я уйду в комнату.

— Не хочу сейчас.

Я не спорю и возвращаюсь к датам. Через несколько минут телефон вибрирует снова, уже сообщением. Маша читает его, прикусывает щёку и убирает телефон в карман кофты.

Ближе к полуночи Андрей присылает первую выгрузку журнала. Названия части файлов превратилисьв набор знаков, однако пять строк читаются полностью. Я нахожу «Финмодель_корр», «График_финансирования» и замираю на следующей:

«Приложение_7_final».

Пишу Андрею прежде, чем успеваю обрадоваться: «Сам файл?»

Он звонит сразу.

— Файла в архивной папке нет. Журнал подтверждает имя и действия с ним.

— Значит, приложение существовало, — не выдерживаю я.

— В рабочей системе существовал файл с таким названием, — уточняет Андрей. — Содержание и статус версии нам пока неизвестны.

Я прикрываю глаза. Даже сейчас он отказывается дать мне лишние полшага уверенности. И именно поэтому его осторожность уже не раздражает.

— Кто загружал?

— В первой выгрузке поле пользователя повреждено, — отвечает Андрей. — Аудиторы восстанавливают связанные записи.

— Тамара его видела? — Я уже листаю журнал дальше.

Андрей просит открыть вторую страницу журнала. Я прокручиваю вниз, сверяю номер файла и нахожу строку досту-

па. Дата стоит за двое суток до нового завещания.

— Скажите, что я правильно читаю.

— Правильно, — отвечает он после короткой паузы. — Файл открывался с аккаунта Тамары Андреевны.

Глава 17. Папа просто спрашивает

Я ещё держу телефон возле уха, когда у Маши снова загорается экран. «Папа». Она сгребает тетради, одну роняет, поднимает уже в коридоре и закрывается в комнате.

— Ольга? — Андрей ждёт ответа.

— Здесь я. Влад дозвонился до Маши.

Я машинально иду следом. Возле двери наступаю на выпавший лист с недорисованным треугольником и останавливаюсь. Постучать? Войти? Ещё неделю назад я даже не задумалась бы: спросила бы через дверь, будут ли они ужинать. Теперь любое движение похоже на слежку.

Возвращаюсь на кухню и подбираю с пола тетрадь.

— Пришлите журнал Инне Борисовне, — прошу я. — И сохраните исходник. Чтобы завтра это название вдруг не испарилось.

— Уже. Аудиторы сняли копию и зафиксировали выгрузку.

— Хорошо, — говорю я. — Про контрольные суммы мне всё равно придётся объяснять дважды.

Андрей тихо смеётся и обещает объяснить один раз, но человеческим языком.

После звонка я выравниваю листы, сбиваю стопку о стол и снова порчу порядок. За дверью Маша говорит так тихо, что слов не разобрать. Влад всегда умел разговаривать с ней

мягче, чем со мной. Когда она в шесть лет спряталась под столом перед утренником, я бегала вокруг с платьем и заколками, а он сел рядом на ковёр. Пообещал: забудет она стихотворение — он тоже забудет и никто не останется один.

От этого воспоминания особенно противно бояться их обычного разговора.

Маша выходит минут через пятнадцать. Щёки у неё красные, в руке телефон и резинка для волос, которую она успела снять и намотать на два пальца.

— Папа спрашивал про бабушку, — сообщает она прежде, чем я успеваю открыть рот. — Как она себя чувствовала перед больницей.

— Зачем?

— Сказал, что хочет понять, почему вы с ним рассказываете разные вещи, — отвечает Маша.

Я кладу последнюю папку на стопку. Внутри уже поднимается знакомое желание растолковать всё за него: Влад переживает смерть матери, у него суд, он тоже ищет ответы. Семнадцать лет я подбирала ему объяснения быстрее, чем он успевал попросить.

— Покажи, о чём он спрашивает.

Вместо ответа Маша протягивает телефон. После звонка Влад прислал уточнения и попросил писать, чтобы «ничего не перепутать». Четыре вопроса, один неприятнее другого: много ли бабушка спала, кто давал таблетки, зачем телефон лежал у меня и почему его самого однажды не пустили в дом.

— У него что, память пропала? — спрашиваю я.

— Говорит, юристам нужны даты. Он ждёт ответа.

Я перечитываю сообщения. Ни лжи, ни прямого обвинения. Только вопросы, составленные так, что возле каждого уже лежит нужный Владу ответ.

— Пиши как помнишь. Меня не спрашивай.

— Отлично. А если он выдернет половину? — Маша поднимает на меня глаза.

Маша жуёт резинку для волос. Я вытаскиваю её изо рта, и дочь, к моему удивлению, даже не огрызается.

— Тогда это будет его подлость. Твоя правда от этого не поменяется.

Она садится, подбирает ноги и кладёт телефон возле тетради. Я отворачиваюсь к мойке, делая вид, что очень занята одной чашкой. За спиной несколько раз щёлкает удаление: Маша набирает сообщение, стирает и начинает заново. Готовый ответ показывает уже после отправки.

«Да, иногда бабушка много спала и почти не разговаривала. Особенно после новых обезболивающих. Потом врач уменьшил дозу, и ей стало лучше».

Влад отвечает сразу: «Мама сама просила уменьшить?»

Маша хмурится.

— Я не знаю, кто попросил.

— Так и напиши, — советую я.

Следом идут таблетки. Дочь честно сообщает, что аптечка стояла у меня в комнате и лекарства по времени выдавала я.

Добавляет, что дозы были записаны врачом, но Влад цепляется за первую часть: «То есть доступа у неё самой не было?»

Маша поднимает на меня глаза.

— У неё был доступ?

— Конечно, — отвечаю я. — Аптечку убрали, чтобы Тамара спросонья не выпила повторную дозу. Она сама согласилась.

— Почему я этого не знала? — Маша хмурится сильнее.

— Потому что тебе было шестнадцать, ты готовилась к экзаменам, а мы старались не превращать тебя в младшую сиделку, — объясняю я.

Она печатает ответ и добавляет от себя: «Бабушка сама просила маму следить». Влад не спорит. Переходит к телефону.

— Он спрашивает, сколько раз ты его забирала.

— Я не считала, — признаюсь я.

— Я помню два, — Маша уже печатает.

— Тогда напиши два, если уверена, — прошу я.

Маша отправляет: «При мне два раза. После звонков бабушка нервничала и просила маму убрать телефон до утра». Ответ долго не приходит. Потом Влад пишет: «Она говорила, после чьих звонков?»

Дочь замирает над клавиатурой.

— Она говорила: после папиных.

— Если помнишь точно, отвечай, — говорю я.

— Помню, — Маша невольно улыбается. — Я ещё спро-

сила, почему не заблокировать его на ночь, а она сказала: «Это мой сын, дурочка».

Маша впервые за вечер улыбается. Улыбка держится секунду и исчезает, когда она дописывает сообщение.

Последний вопрос касается дня, когда Влада не пустили к матери. Я помню этот вечер: Тамара сидела в кресле у окна, укрытая серым пледом, и дважды повторила, что не хочет его видеть. Маша слышала это из коридора.

— Напиши только то, что слышала сама, — прошу я.

Она сердится:

— Мам, я уже поняла.

— Прости, — я больше не подсказываю.

В её сообщении получается одна фраза: «Один раз мама не пустила папу, потому что бабушка сказала, что сегодня не хочет его видеть». Влад отвечает сердечком. Не красным, а тем синим, которое всегда ставит дочери.

Маша закрывает переписку.

— Всё?

— Всё. — Она собирает тетради, но телефон снова вибрирует. — Нет, подожди.

Влад пишет, что адвокаты задают ему много вопросов и он боится ошибиться в датах. Просит разрешения показать переписку юристу, «чтобы они понимали, что я не выдумываю».

— Если я скажу нет, это будет выглядеть так, будто я что-то скрываю, — тихо произносит Маша.

— Он спросил тебя, не меня.

— Очень полезный ответ, — Маша сердито фыркает.

Я отодвигаю папки, освобождая ей место. Хочется сказать: не разрешай. Хочется забрать телефон и самой написать Владу, чтобы не втягивал дочь. Но тогда решение опять приму я, а отвечать за него придётся Маше.

— Переписка правдивая, — говорю наконец. — Если ты согласна, соглашайся. Только помни: юрист работает на папу и возьмёт из твоих слов то, что поможет ему.

Она перечитывает свои сообщения, задерживаясь на каждом. Потом отправляет: «Хорошо. Только целиком, вместе с ответами про врача и просьбы бабушки».

Влад обещает. Маша кладёт телефон экраном вниз и просит больше сегодня не говорить ни про суд, ни про бабушкины лекарства. Я убираю бумаги в папку. Остаток вечера мы смотрим старую комедию, но она почти не смеётся, а я не запоминаю ни одной сцены.

На следующий день в одиннадцать утра звонит Инна Борисовна.

— Вам пришло уведомление из суда?

Я стою в аптеке с упаковкой Машиных витаминов в руке. В очереди передо мной мужчина спорит о скидочной карте, касса пищит, и вопрос адвоката звучит так буднично, что я сначала не пугаюсь.

— Нет. Что произошло?

— Представитель Влада приобщил переписку с дочерью

и заявил ходатайство, — отвечает адвокат. — Они просят вызвать Марию Владиславовну свидетелем.

Коробка выскальзывает у меня из пальцев и падает на кафель. Женщина с корзиной поднимает её раньше, чем я успеваю наклониться.

— Моей дочери семнадцать, — говорю я, хотя Инна Борисовна знает возраст не хуже меня.

— Поэтому допрос потребует особого порядка. Но сам по себе возраст не исключает свидетельские показания.

Я выхожу из очереди, оставляя витамины на ближайшей полке.

— Он сказал ей, что просто хочет показать сообщения юристу.

— Юрист показал их суду, — отвечает Инна Борисовна. — Готовьтесь: Влад просит вызвать Машу как свидетеля.

Глава 18. Угроза или обещание?

— Он обещал показать переписку целиком.

Маша ждёт меня у кабинета химии. Куртку натянула прямо поверх формы, один шнурок развязан. Мимо проходят две девочки из параллельного класса и оглядываются; дочь дожидается, пока они свернут к лестнице.

— Он хотя бы всё показал?

— В ходатайстве три куска, — отвечаю я. — Про аптечку, телефон и тот вечер с бабушкой.

— А врач? — Маша прижимает к груди учебник. — Где моё сообщение про врача? И про то, что бабушка сама просила?

— В цитатах этого нет. Скриншоты я ещё не видела целиком.

Она пинает носком батарею и тут же отдёргивает ногу: гул разносится по коридору.

— Папа обещал. Я два раза написала: только целиком.

Я встаю так, чтобы закрыть её от новых любопытных. Обнять хочется, но здесь она скорее оттолкнёт меня из одного упрямства.

— Ты не сказала ничего плохого.

— Конечно, — горько усмехается Маша. — Я всего лишь дала ему готовый список для суда.

Маша запихивает телефон в карман, промахивается и ед-

ва не роняет. Я ловлю его и возвращаю ей.

— Список сделал твой отец.

— А нажала «разрешаю» я, — упрямо заканчивает дочь.

Она шмыгает носом, вытирает его рукавом и сердится уже ещё и на это.

— Я не буду врать в суде.

— И не надо, — я понижаю голос. — Расскажешь всё как было. Мы подготовим тебя к порядку допроса, но слова будут твоими.

Звонок зовёт на урок. Маша отходит на два шага, потом возвращается и быстро обнимает меня, уткнувшись лбом в плечо.

— Не звони ему сейчас, — просит она. — Я сама потом.

Я обещаю. Это труднее, чем вчера позволить ей ответить.

У выхода из школы меня ждёт сообщение Андрея: заверенная копия прежнего завещания получена. Я еду в семейный офис, по дороге не включая музыку. Телефон лежит в держателе, имя Влада так и не появляется. Возможно, он уже знает, что дочь увидела ходатайство, и предпочитает переждать её первую реакцию. Он всегда называл это умением не обострять.

В переговорной собрались Андрей и Инна Борисовна. Перед ними плотный конверт, прошитая копия и две чашки кофе. Моя остаётся пустой; Андрей только пододвигает к ней бутылку воды.

— Сначала завещание или ходатайство? — спрашивает

он.

— Завещание. Про Машу я уже знаю.

Инна Борисовна открывает копию на первой странице. Бумага пахнет тонером и пылью нотариального архива. Вверху дата трёхлетней давности, ниже знакомое имя Тамары, а потом Владислав Викторович Соколов — сын, основной наследник.

Я читаю медленно, строку за строкой.

Пятьдесят пять процентов акций «Соколова Групп» — Владу.

Загородный дом с землёй — Владу.

Два нежилых помещения — Владу.

Инвестиционный портфель — тоже Владу.

По сути, тот же массив имущества, который в последнем завещании перешёл ко мне. Образовательный капитал Маши оформлен отдельно и здесь не упомянут. Тамара не дробила своё главное наследство, не оставляла сыну утешительную долю. Три года назад она выбрала его так же полно, как сорок три дня назад выбрала меня.

— Он знал перечень, — говорю я. — Поэтому в кафе повторил его почти дословно.

Андрей перелистывает последнюю страницу, проверяя подписи и удостоверительную надпись.

— Вероятно, Тамара Андреевна сама сообщила ему содержание. Признаков, что Влад получал копию раньше нас, пока нет.

— Какая разница? — Я снова смотрю на перечень. — Он всё это время был уверен, что дом и компания уже его.

— Для его поведения разница небольшая. Для суда — большая, — вмешивается Инна Борисовна. — Если он присутствовал только до начала нотариального действия и услышал результат от матери, процедура выглядит обычной. Если сидел в кабинете и диктовал условия, нам было бы за что зацепиться. Пока такого факта нет.

Я снова читаю перечень. Вчера Влад предлагал оставить мне дом и недвижимость, будто отдавал своё. Теперь понятнее, почему в его голосе не было притворства. Он действительно мысленно владел ими три года.

— Если последнее завещание отменят, это вступит в силу?

Инна Борисовна складывает ладони на столе, придавливая ими край документа.

— Суд может признать недействительным только последнее распоряжение. Тогда предыдущий документ способен определить наследование, если сам не отменён и к нему нет отдельных претензий. Сейчас мы не видим промежуточных завещаний.

— Значит, Влад получит всё, что перечислено здесь, — подвожу я итог.

— При худшем для нас исходе — да.

Андрей молчит. Я поворачиваюсь к нему, ожидая уточнения, которое уменьшит риск хотя бы на одно слово.

— И вместе со своими двадцатью процентами получит семьдесят пять, — добавляет он. — Полный акционерный контроль. Старое завещание объясняет, почему он так уверен в своей будущей власти, но не доказывает недействительность нового.

— Зато переписка с Машей помогает ему доказывать остальное.

Инна Борисовна открывает ходатайство. На второй странице выделены четыре фразы дочери: бабушка иногда почти не разговаривала; лекарства хранила мать; телефон лежал у матери; отца однажды не пустили. Ответы вырваны из соседних сообщений так аккуратно, что формально ни одного слова не изменили.

— Они приложили снимки экрана, — замечает адвокат. — На них часть контекста видна. Поэтому обвинять представителя в подлоге бессмысленно. В самом ходатайстве он выбрал выгодные цитаты.

— Влад обещал Маше показать всё.

— Возможно, покажет на допросе и попытается обратить контекст в свою пользу, — предупреждает Инна Борисовна. — Например, скажет, что больная мать просила убрать телефон именно потому, что находилась под вашим влиянием.

Я встаю и прохожу к окну. На парковке курьер вытаскивает из багажника коробки, одна рвётся снизу, он ловит её коленом и ругается. Простая чужая неприятность, которую можно исправить скотчем.

— Вчера Влад предлагал мне сделку. Я могла сохранить недвижимость и деньги. Машу не вызвали бы в суд.

— Вы предполагаете, — спокойно поправляет Андрей. — В тексте предложения о дочери не было.

— Если бы я отдала акции, ему не понадобились бы её показания.

— Возможно, — Андрей выдерживает мой взгляд. — Но решение втянуть Машу принял он, не вы.

Ту же фразу я сказала дочери час назад. Услышанная от Андрея, она вызывает раздражение.

— Очень удобно распределять ответственность, когда отвечать придётся ребёнку.

Он не возражает и не подходит ближе.

— Неудобно, — говорит после паузы. — Просто иначе вы сейчас возьмёте на себя и его поступок, и Машино согласие, и будущие вопросы судьи. Вам хватит своей части.

— Какая моя?

— Вы решили продолжать спор, зная, что Влад будет давить, — говорит Андрей. — Вы отвечаете за это решение. За способ давления отвечает Влад.

Инна Борисовна захлопывает ноутбук громче, чем требуется.

— А я отвечаю за то, чтобы свидетельский вызов не стал катастрофой. Мария расскажет контекст, мы запросим лечащего врача и назначения. Теперь можно вернуться к завещанию?

Я сажусь. На последней странице прежнего документа Тамарина подпись выглядит твёрдой, крупной. В новом завещании она слабее. Болезнь оставила след даже там, где разум оставался ясным, и Влад обязательно положит две подписи рядом.

— Скажите без утешения, — прошу я. — Насколько всё плохо?

Инна Борисовна снимает очки и протирает их краем синего жакета.

— У Влада есть настоящее предыдущее завещание, медицинские записи о спутанности, свидетельства ограниченного доступа и дочь, способная подтвердить часть бытовых фактов. У нас есть нотариальная процедура, деловая активность Тамары в день подписания, последующая работа, врачебный контекст и поиск причины смены решения. Ни одна сторона пока не держит победу в руках.

Я смотрю на Андрея.

Он не подбирает более мягких слов.

— Теперь у него есть реальный иск. Не гарантированная победа. Но реальный иск.

Телефон вибрирует возле бутылки воды. На экране имя Влада и фотография страницы старого завещания — та самая, где подряд перечислены акции, дом, помещения и портфель.

Под снимком одно сообщение:

«Когда суд вернёт мамину волю на место, первым делом

я попрошу тебя освободить мой дом».

Глава 19. Я хочу знать

Я читаю сообщение вслух. Инна Борисовна просит переслать его ей, Андрей протягивает руку к телефону, но я не отдаю. Снимок старого завещания заполняет экран, и под ним Влад уже пишет новое сообщение. Три точки появляются, исчезают, появляются снова.

— Не отвечайте, — предупреждает адвокат.

— Я и не собиралась.

Это неправда. В голове уже складывается десяток ответов: напомнить, что дом ещё не его, спросить, когда именно мать разрешила ему выгонять вдову, послать фотографию своего отказа от его сделки. Вместо этого делаю снимок экрана и пересылаю Инне Борисовне.

Влад так ничего больше не отправляет.

Андрей закрывает копию прежнего завещан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.